

Александр Михайловский
Юлия Маркова

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЦУСИМСКИЙ

16+

НИКТО КРОМЕ НАС - 4

Юлия Маркова
Великий князь Цусимский

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Маркова Ю. В.

Великий князь Цусимский / Ю. В. Маркова — «ЛитРес:
Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-1079-3

Японский флот разгромлен, но у Японии еще остается армия, которая желает продолжать войну. Японские генералы уверены, что стоит им вступить в бой - и русские побегут от них до самой Читы. Смерть императрицы Александры Федоровны и желающий отречься Николай II диктуют необходимость быстро разгромить Японию и заняться престолонаследием. Но брат императора Михаил не желает садиться на трон. Императрицей могла бы стать его сестра Ольга, но для этого ей необходим достойный муж из правящей семьи. Эта история о том, как майор морской пехоты Новиков становится Великим князем Цусимским, что открывает ему дорогу к браку с Великой княгиней.

ISBN 978-5-5321-1079-3

© Маркова Ю. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть 13. Битва на Ялу	6
Часть 14. Сражение с террором	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

В оформлении обложки использована фотография с сайта
http://ria1914.info/index.php?title=Руднев_Евгений_Владимирович

Часть 13. Битва на Ялу

2 апреля 1904 года, около 21:00 по местному времени. острова Эллиота, пароход «Принцесса Солнца»

Великая Княгиня Ольга Александровна Романова, 22 года

Вечер. Я одна в каюте, сижу за столом. Передо мной лежит чистый лист бумаги. В руках я держу так называемую «шариковую ручку» – это потрясающе удобная вещь, устроенная до гениальности просто. Ее не надо никуда макать и она не оставляет клякс – и поэтому я просто не могу удержаться, чтобы не начать выводить ею на ненужном кусочке бумаги узоры, тем самым привыкая к этой самой «ручке» и собираясь с мыслями. Ведь я села писать соболезнующее письмо Никки... О мой несчастный брат! Мне хочется, чтобы мое письмо хоть немного приободрило его. Я постараюсь вложить в это послание все свои чувства, чтобы Никки как можно полнее ощутил нашу с ним связь, и, может быть, это хоть немного облегчит боль его утраты.

Ручка пишет темно-синим, почти фиолетовым цветом. Моя рука рисует бурные волны. Вот уже на бумаге изображен маленький шторм... Наверное, машинально я изображаю свое внутреннее состояние – ведь и в душе моей сейчас происходит что-то подобное. Я нахожусь в ужасном смятении. Ведь с одной стороны, для тех, кто незнаком с подоплекой событий, смерть Алики представляется как цепочка трагических случайностей. С другой стороны, для таких, как я, посвященных во всю подноготную этой истории, смерть жены моего венценосного брата выглядит как доказательство существования над нами неумолимой по своей силе Господней воли, которая через так называемые случайности устраняет все препятствия для своего замысла.

Что стоят две человеческие жизни, то есть Алики и ее еще не рожденного ребенка, когда на кону ребром стоит огромная страна и миллионы жизней ее обитателей? Никки, наверное, тоже это понимает, и ему, должно быть, тяжело вдвойне, ведь это коснулось именно его семьи, и, более того, он был невольным соучастником этого события. Я вспоминаю себя такой, какой я отправилась две недели назад с Николаевского вокзала в путешествие на Дальний Восток. Где та милая наивная девочка с ее мелкими проблемами и несчастьями? Ее больше нет, и ее тоже надо оплакать. На ее месте теперь жесткая предприимчивая особа, готовая на все смотреть через мушку револьвера... Наверное, такова судьба тех, кто связался с политикой. Павел Павлович любит поговаривать, что, несмотря на то, что это грязная игра, это единственная игра, которая придумана для настоящих мужчин. Меня он тоже относит к «настоящим мужчинам» – и меня это одновременно и радует, и пугает.

– Отче наш, иже еси на небеси... – читаю я полупрошептом молитву, прося не за себя, но за Алики и ее сына, потом еще раз и еще. Пусть этой вечно мятущейся и неудовлетворенной душе будет дарован вечный покой, а ее не рожденному сыну вечное блаженство.

Наконец я успокаиваюсь, вздыхаю и вывожу первые строки.

«Дорогой мой, любимый брат Никки! Прими мои соболезнования в связи с кончиной твоей супруги...»

Тут я остановилась. О Боже! Ведь ранее мне не приходилось писать соболезнования своим близким людям... Когда трагически и безвременно умер ПаПа, мы скорбели все вместе, а больше у меня в семье не умирал никто из близких. Написанные слова показались мне скудными и не выражающими в полной мере то, что я чувствовала. Я скомкала начатый листок, швырнула его в корзину и взяла из стопки другой.

«Никки, мой дорогой, любимый брат! – начала я. – Меня до глубины души потрясла безвременная кончина милой Алики, твоей супруги и моей доброй подруги. Выражаю тебе свои глубочайшие и искренние соболезнования. Сия скорбная весть ввергла меня в большую

печаль, и я горько оплакивала смерть милой Алики. Дорогой братец! Как бы мне хотелось быть сейчас подле тебя, чтобы утешить тебя по-сестрински в скорби твоей. Чтобы обнять милых девочек и утереть слезы с их милых глазок... Наверное, они сильно плачут. Ведь никто не ожидал, что такое может случиться с Алики. Она была счастливой и полной надежд. И вот такой злой рок постиг ее – так внезапно и жестоко. Но только не ропщи на Бога, милый братец, умоляю тебя, не ропщи! Ведь пути Его неисповедимы, и на все Его воля. Милый Никки, мы должны с честью выдержать все испытания, что Господь посылает нам. Я знаю, что горькая печаль сейчас терзает твое сердце, но нам нужно смириться с этой тяжелой утратой. Душа дорогой Алики нынче в Царствии Небесном, нам же предстоит, храня о ней светлую память, жить дальше и действовать во благо нашей России. А она, наша страна, за которую мы в ответе и которую нам ничем не заменить, находится сейчас на распутье, на переломном моменте, после которого должна определиться ее дальнейшая судьба.

Дорогой мой Никки! Я прошу тебя не падать духом, хоть и знаю, что это очень нелегко. Я мысленно обнимаю тебя и плачу вместе с тобой. Мы непременно увидимся с тобой – и надеюсь, что скоро. Мы обязательно помянем нашу добрую Алики и сходим на ее могилу.

Милый брат, хочу сообщить тебе, что мне известны обстоятельства, при которых Алики скончалась так скоропостижно. Не вини себя в этом, прошу тебя. И других тоже не вини. И самое главное, не вини в своей утрате Господа, не ропщи на Его волю. Я очень рассчитываю на твое благоразумие. И помни – над всеми скорбями и печальми нас поднимает наш священный долг – заботиться о судьбе России.

Ты знаешь, Никки, я сама очень изменилась за то время, пока нахожусь здесь. Общение с ЭТИМИ людьми очень много дает мне. Кажется, будто я повзрослела на те сто лет, которые отделяют их время от нашего... О Никки, я хотела бы о многом написать тебе – об этих людях, о нашей жизни, о моих впечатлениях. Но я думаю, что лучше всего нам поговорить, когда мы увидимся с тобой – в такой момент непременно скоро наступит. Помнишь, как раньше – за самоваром. Мне так дороги воспоминания о тех временах, когда все было спокойно и безмятежно. Впрочем, сейчас осознаю, что так нам лишь казалось. Но все равно я с теплотой в сердце храню память о тех днях...

Милый Никки, меня очень беспокоит состояние девочек. Какое потрясение для моих дорогих малышей! Прошу, уделяй им больше внимания. Ведь общение с детьми делает нас лучше и чище, добрее и разумней. Да-да – одно прикосновение детской ладошки к щеке дарит такое блаженство, с которым не сравнится ничто! Прошу – не закрывай от них свое сердце, поплачь с ними, покажи, что любишь их. И обязательно передай им, что я их тоже сильно люблю! Что я скоро приеду и привезу им гостинцы, что буду каждый день играть с ними и читать сказки. Для этого надо всего лишь победить Японию и наказать этого гадкого микадо за его вероломство. И мы все – и я, и Мишкин, и Сандро, и Павел Павлович, и наши адмиралы и генералы – усердно трудимся здесь над тем, чтобы однажды эти мерзкие японцы сильно пожалели, что вообще осмелились напасть на нашу Россию.

Знаешь, дорогой брат, я очень много думала с тех пор, как приехала сюда. Не только думала – еще и читала, смотрела их синема, да и просто беседовала с ЭТИМИ людьми. И с некоторых пор ко мне пришла уверенность, что все происходящее – промысел Божий, что Господь дает нам возможность исправить наши ошибки. Так давай же постараемся сделать это в меру наших сил.

Никки, сейчас твой разум объят горем. Я знаю, как ты любил свою Алики. Всей душой сочувствую тебе и плачу вместе с тобой. Но хочу сказать тебе – наша жизнь изменилась бесповоротно и навсегда. Надеюсь, ты это понимаешь. Теперь нам придется мыслить другими категориями, чем раньше. Но мы еще поговорим с тобой об этом.

Засим до свидания, мой дорогой брат Никки. Крепко целую и обнимаю всех вас – тебя и девочек. Храни вас всех Господь!

Искренне твоя милая сестрица Ольга.»

* * *

3 апреля 1904 года 10:30 по местному времени. Мукден, штаб Маньчжурской армии.

Генерал-адъютант Алексей Николаевич Куропаткин¹ по складу своей личности являлся идеальным военным министром, но ни в малейшей степени не обладал командными или штабными талантами. Ему бы быть не командующим Маньчжурской армией, а ее начальником тыла – вот тогда он был бы на своем месте. Все бы у него было смазано и подмазано. Солдаты были бы сыты, справно обмундированы, а также имели бы в запасе достаточное количество патронов, а артиллерия была бы снабжена снарядами. Поезда с пополнением по железной дороге ходили ли бы как скорые в мирное время, секунда в секунду, а идеально устроенные лазареты имели бы достаточное количество врачей, фельдшеров и были бы в полном объеме снабжены медикаментами. Но в силу отсутствия таланта к оперативной штабной работе и командованию войсками² генерал Куропаткин проявлял нерешительность в руководстве войсками. Боязнь риска, постоянные колебания, неумение организовать взаимодействие отдельных соединений, недоверие к подчиненным и мелочная опека характеризовали его стиль управления армией. А как же ему быть иначе, если он даже близко не понимал ни смысла расстановки войск и действий противника, ни последствий своих же указаний. А это страшное дело. Одним словом, угораздила же нелегкая императора Николая назначить этого человека командующим Маньчжурской армией, а не его замом по тылу...

Вот с таким человеком предстояло встретиться Великому князю Михаилу, который вместе с полковником Агапеевым на литерном поезде прибыл ранним утром 3-го апреля в Мукден. В эти дни начала апреля, когда русский флот уже сделал все возможное для того, чтобы столь несчастливо начавшаяся война завершилась победой, было чрезвычайно важно не дать 1-й армии генерала Куроки возможности ворваться на территорию Манчжурии. Ведь, несмотря на то, что связь между Японией и Кореей была прервана морской блокадой, высадившиеся на Корейском полуострове японские силы сохраняют боеспособность, достаточную для проведения наступательных операций. Дело в том, что в ходе продвижения по территории Кореи боевых столкновений японских частей 1-й армии генерала Куроки с местными силами или

---

¹ В характере генерала Куропаткина сочетались как определенная личная храбрость (за себя лично), так и определенные административные таланты. Молодой Куропаткин, было дело, врывался во вражескую крепость во главе штурмовой колонны с обнаженной саблей в руке. Выдвинувшийся за счет боевых заслуг, Куропаткин послужил в Главном штабе, после чего был назначен Начальником и командующим войсками Закаспийской военной области. За восемь лет его управления область достигла крупных результатов. Из пустынной страны, не имевшей ни дорог, ни городов, со слабыми зачатками торговли и промышленности, с кочевым населением, промышленным грабежом и разбоем, Закаспийская область превратилась в благоустроенный край с развитым земледелием, торговлей и промышленностью. Заботами Куропаткина возникли русские школы, была проведена реформа судебной части, привлечены многочисленные поселенцы из внутренних губерний. Потом были шесть лет проведенные в должности Военного Министра, на которой деятельность Куропаткина тоже была выше всяких похвал, и лишь командование Маньчжурской армией дотла разрушило репутацию этого достойного человека.

² По мнению Автора, генералы, исходя из их талантов, могут быть условно разбиты на четыре категории: полевые командиры, штабные работники, административно-хозяйственные деятели и теоретики. Последняя категория самая редкая – эти люди, как правило, обобщают чужой боевой опыт и выпускают эпохальные научные труды по стратегии, тактике, логистике снабжения войск и т.д. и т.п. Хорошие командиры способны молниеносно принимать единственно верные решения в условиях стремительно меняющейся боевой обстановки. Штабные работники склонны к долговременному планированию. Бывают военачальники, успешно выступающие сразу в двух ипостасях – так, например, генерал Василевский мог вполне успешно руководить Генштабом и командовать фронтом на направлении главного удара. В то же время генерал Жуков, сверхуспешный в должности комфронта, работу Начальника Генштаба откровенно запорол. Что касается административно-хозяйственных деятелей, то они являются гениями в деле снабжения, пополнения, обеспечения всем необходимым, и т.д. и т.п., и именно они в чрезвычайных количествах размножаются в армиях, не воевавших длительное время, когда на первый план выходит экономия средств, состояние казарменного фонда, содержимое солдатского котла, денежное довольствие господ и товарищей офицеров и прочее, не имеющее отношения непосредственно к боевой работе.

русскими войсками не случалось, в силу чего они все еще обладают все теми припасами (за исключением продовольствия), которые имели на момент высадки с кораблей в Чемульпо. Вопрос с продовольствием решается любимым японским способом – конфискацией у местного населения, тем более что рационы корейцев и японцев в целом совпадают. К тому же до момента установления русской морской блокады Корейского ТВД³ почти полтора месяца с момента начала войны японский флот имел возможность беспрепятственно доставлять снабжение на Корейский полуостров, сумев создать значительные запасы боеприпасов, продовольствия и различной амуниции.

Кроме всего прочего, чем дальше, тем больше у Павла Павловича Одинцова усиливалось подозрение, что Великобритания уже выбрала свою форму участия в этой войне. И это будет отнюдь не лобовое столкновение военных флотов, которое может привести Британию к такой же катастрофе, которая уже постигла японский флот. Нет, в ближайшее время британский флот займется конвоированием британских и прочих каботажных пароходов с военными грузами, чтобы доставлять их японским войскам прямо в зону боевых действий. Российской разведке уже было известно, что такие британские, а также голландские, датские, германские и даже французские пароходы накапливаются в настоящий момент на якорных стоянках Гонконга, находящегося за пределом радиуса действия дальних блокадных дозоров русского Тихоокеанского флота. Дальше на север, в зону боевых действий, эти трампы пойдут в плотных колоннах под конвоем британских крейсеров. При этом вполне очевидно, что любая попытка русских кораблей досмотреть груз этих судов в нейтральных водах неизбежно обернется морским сражением и началом войны между Российской и Британской империями. Видимо, в Лондоне уверены, что Российская империя никогда и ни при каких обстоятельствах не пойдет на войну с Империей, над которой никогда не заходит Солнце.

Но надо иметь в виду, что для успеха такой провокации есть одно обязательное условие. В качестве конечной точки маршрута конвою необходим занятый японскими войсками порт или удобный пункт разгрузки – например, укрытая от штормовых ветров бухта или устье реки. Если подходящие порты на участке побережья от корейской границы до Ляодунского полуострова просто отсутствуют, то удобные якорные стоянки имеются в предостаточном количестве. Именно поэтому японскую армию следует останавливать на рубеже реки Ялу, а не позволять ей шастать по Маньчжурии. Но для того, чтобы выиграть сражение на реке Ялу, начинать его следует в Мукдене, имея противником Куропаткина, который, напротив, намеревался японцев в Маньчжурию впустить⁴, ибо не понимает ни важности естественного оборонительного рубежа на пути вражеского вторжения, ни того ущерба боевому духу войск, который последует в случае позорной сдачи этой позиции.

Между прочим, с этими поползновениями генерала Куропаткина не мог справиться даже Наместник на Дальнем Востоке адмирал Алексеев, который был моряком до мозга кости и ничего не понимал в ведении сухопутной войны. Все его попытки принудить командующего Маньчжурской армией перейти к активной наступательной стратегии наталкивались на непробиваемый апломб Куропаткина, считавшего моряков ни к чему не годными, бесполезными существами, совокупно именуемыми «самотопами»⁵. К тому же командующий Маньчжурской

---

³ ТВД – театр военных действий.

⁴ **Историческая справка:** 18 апреля (РеИ – Реальная История) командир Восточного отряда генерал Засулич получил приказ командующего Маньчжурской армией Куропаткина затруднить японским войскам переправу через Ялу и их дальнейшее продвижение через Фейшунлинский горный хребет. Кроме того, необходимо было выяснить цели и направление движения японцев. При этом Засулич должен был избежать решительного сражения с превосходящими войсками противниками и при сильном давлении отступать к главным силам Маньчжурской армии к Ляояну. Таким образом, русское командование недооценило стратегическую важность рубежа на реке Ялу. Японскую армию не собирались останавливать на удобном для обороны рубеже. Так, река Ялу не имела бродов, её можно было форсировать только на плавсредствах. На притоке Ялу реке Эйхо (Айхэ) брод был, но через него могла переправиться только конница. А кавалерия у японцев была слабым местом.

⁵ Такое прозвище возникло из-за того что в самом начале войны погибли сразу четыре боевых корабля, при этом бронепла-

армией был назначен на должность рескриптом государя императора, и, несмотря на формальное старшинство адмирала Алексеева, считал, что подчиняется непосредственно царю и больше никому.

Наместник, видя такое пренебрежение его чином, прямо ведущее к разрушению вертикали командования, разумеется, злился, но ничего против выскочки предпринять не мог, у него у самого по морской части война развивалась далеко не самым благоприятным образом. С самого начала войны четыре крупных боевых корабля были утрачены, а еще три тяжело повреждены. Ночное нападение японских миноносцев на внешний рейд Порт-Артура было отбито без потерь для противника, а короткие стычки с японским флотом на ближних подступах к Порт-Артуру выявили значительный тактический перевес, которым обладал противник. Дело тут было не только в том, что в русском флоте после повреждения «Цесаревича» и «Ретвизана» осталось пять эскадренных броненосцев против шести японских, но и в том, что эскадренная скорость⁶ русского отряда порядком уступала групповой скорости японских броненосцев, благодаря чему адмирал Того мог сам выбирать наиболее выгодную дистанцию для боя⁷.

Но с появлением отряда русских кораблей из будущего моряки (пусть и за чужой счет) смогли в значительной степени реабилитироваться и вместе с потомками повести на море дерзкую наступательную войну. Погром в Токийском заливе, который еще назывался личной императорской ванной, бесчинство, устроенное броненосными крейсерами и подводной лодкой в Цусимском проливе, дерзкие операции по прерыванию морской торговли японской империи и, самое главное, погром погруженной на пароходы 2-й армии генерала Оку, учиненный адмиралом Макаровым в заливе Цинампо... После этого акции адмирала Алексеева в Петербурге выросли, и позиции Куропаткина в подковерных административных интригах стали не столь прочными. Кроме всего прочего Наместнику очень понравилась идея Пал Палыч Одинцова послать в штаб Куропаткина в качестве спецпредставителя любимого младшего брата и наследника царя, чтобы тот своей большой волосатой романовской лапой хорошенько взбодрил этот курятник. Как ни удивительно, но ответ из Гатчины пришел быстро, император согласился с предложением господина Одинцова, благословил труды своего младшего брата и попросил, чтобы тот был поосторожнее на фронте.

Сам же Михаил Александрович тоже был не прочь принять участие в первом в своей жизни по-настоящему большом деле, тем более что для решения тактических и стратегических задач в помощь ему был дан полковник генерального штаба Агапеев. Кроме того, господин Одинцов обещал, что как только дело дойдет до сражения, в его распоряжении окажется некогда майор российской, а ныне полковник русской императорской армии, вместе со сформированной им на Эллиотах бригадой морской пехоты. Несмотря на траур и общую охватившую его апатию, император Николай все же подписал именной рескрипт, производящий Новикова в полковники императорской армии со старшинством с первого апреля сего 1904-го года. И сле-

---

лубный крейсер 1-го ранга «Варяг» и канонерка «Кореец» были уничтожены своими командами в Чемульпо, чтобы корабли не достались врагу. Но про подвиг «Варяга» известно всем, и никто не обвинит его команду в глупости и трусости, как иных прочих. Минный заградитель «Енисей» и прикрывавший его крейсер 2-го ранга «Боярин» подорвались в Талиенванском заливе на минах, только что выставленных с «Енисея». При этом оставленный командой «Боярин» еще больше суток дрейфовал на плаву, пока ночным штормом его снова не отнесло на минное поле, в районе которого он и затонул после еще нескольких подрывов. Гибель «Енисея» и «Боярина» явилась пределом глупости и головотяпства, проявленных когда-нибудь русскими морскими офицерами.

⁶ Эскадренная скорость измеряется по скорости самого медленного корабля в отряде, русскую Тихоокеанскую эскадру тормозил броненосец «Севастополь», не способный разогнаться больше 13-ти узлов, в то время как японский броненосный отряд делал 17-17,5 узлов.

⁷ Мощь японских фугасных снарядов, начиненных мелинитом-шимозой, не зависела от дистанции боя. Напротив, русские бронебойные снаряды с увеличением расстояния между кораблями значительно утрачивают свою пробивную способность. К тому же русские комендоры были обучены стрелять только на короткие дистанции, на которых они намного превосходили своих японских коллег. Из этого следовало, что, имея преимущество в эскадренной скорости, японские броненосцы могли расстреливать русские корабли с выгодной для себя дистанции, получая в ответ минимальные повреждения.

лано это было не ради сестры Ольги, а ради государства российского, ибо формируемой бригаде морской пехоты требовался полноценный командир. Да и совестно было Хозяину Земли Русской оставлять без вознаграждения столь отличившегося офицера. Но Новиков присоединится к Михаилу потом, а пока в его сопровождении только взвод любимых кирасир и взвод ахтырских гусар, которых ему «уступила» сестрица Ольга, ибо невместно наследнику престола и любимому брату царя передвигаться без эскорта.

И вот сейчас экипаж на котором младший брат царя вместе с полковником Агапеевым приехал с вокзала, остановился у парадного подъезда Дворца Наместника. Именно там размещался штаб Маньчжурской армии. Михаил вылез из экипажа и оправил свою длинную кавалерийскую шинель, ожидая, пока с другой стороны на землю спустится полковник Агапеев. Возможно, сейчас младшему брату царя предстоял самый важный разговор в его жизни. Разговор, который окончательно решит судьбу кампании и, возможно, судьбу всей России. Впервые за всю свою жизнь доселе беззаботный Мишкин почувствовал на себе тяжесть формулы «положение обязывает». Сегодня его первый настоящий бой, который покажет, кто он – достойный сын своего отца, имеющий право повелевать, или просто великосветский прожигатель жизни, декоративное и никчемное существо вроде собачки-левретки.

Так, собраться и напустить на себя непробиваемый вид! Идет не юный шалопай (он остался в прошлом), идет спецпредставитель Государя-императора и Наследник Престола. Все понимали, что если до момента смерти императрицы Александры Федоровны этот титул был чистой юридической фикцией, то теперь он обрел свой полный вес и значимость. О нежелании Михаила занимать престол знал только ограниченный круг лиц, зато о том, что вдовствующая императрица Мария Федоровна благоволит скорее младшему, чем старшему сыну, ведал весь, с позволения сказать, истеблишмент Российской империи. А посему все, как учил незабвенный Пал Палыч Одинцов – морду сделать кирпичом, шаг тверже, и чтобы сталь была во взоре светлых глаз и сардоническая усмешка на губах. Ахтырцы на месте, кирасиры за мной, раз-два! Ну что, идем, Александр Петрович, разберемся, кто тут предает Матушку Россию и Государя-императора!

Генерал-адъютант Алексей Николаевич Куропаткин, конечно же, знал, что на подведомственной ему территории присутствует целый выводок великих князей, в числе которых имеется и младший брат Государя. Литерный поезд из Питера в Артур, следующий без предварительного оповещения (еще не хватало, в военное-то время), просвистал мимо Куропаткина подобно пуле у виска. Из его августейших пассажиров морской офицер Сандро и барышня Ольга Александровна существовали в непересекающихся с генералом сферах, а о кирасирском поручике Михаиле Романове у Куропаткина было мнение как о вечном мальчишке, шалопае и обормоте, способном только ведрами хлестать шампанское, палить в воздух из нагана и волочиться за певичками и балеринками... А тут тяжелые шаги по гулкому коридору, будто в сопровождении своих миньонов к Куропаткину идет некто вроде Малюты Скуратова, обремененного императорским доверием и правом карать и миловать проштрафившихся генералов. Короткий писк адъютанта в приемной и последовавшее за этим шипящее рычание: «Ну что, не ждали, кур-рвы?! Брысь отсюда, штабс, чтоб я тебя не видел!».

В первые мгновения Куропаткин даже не узнал младшего брата царя в возникшем в дверях монстре, настолько сильно изменили Михаила последние события. По первости подумалось, что это какой-то гвардейский хлыщ, вусмерть укушавшись китайской рисовой водкой, явился таким образом представляться по поводу прибытия на службу. И только потом пришло понимание, кто именно стоит перед ним, обряженный в мундир поручика гвардейских синих кирасир, и, кипя бешенством, иронически кривит губы, крутя при этом в руках кавалерийский стек. Сейчас как хрястнет поперек самодовольной хари для завязки разговора – да так, что полетят во все стороны брызги крови – и только потом начнет задавать вопросы. Но не хряст-

нул. По-американски присел на край стола, глянул пронзительными светлыми глазами прямо в душу и произнес с хрипотцой:

– Ну что, Алексей Николаевич, давай, рассказывай, как ты дошел до жизни такой?

А следом за младшим братом императора в кабинет тихо так входит незнакомый Куропаткину полковник Главного штаба и скромно ставит на угол стола свой обтянутый черной кожей чемоданчик. Но взгляд такой же внимательный и пронзительный, как у Великого князя Михаила. И сразу видно, что это настоящие военные мозги, а царственный поручик синих кирасир – это только их силовое прикрытие, действующее, впрочем, вполне осознанно.

Тем временем Куропаткин отошел от первого испуга (Великий князь Михаил в ярости – это не шутки) и, пытаясь приподняться из-за стола, нервно проблеял что-то вроде:

– Я вас не понимаю, Ваше Императорское Высочество...

– Сидеть! – рявкнул Михаил так, что у Куропаткина подломились ноги и он грохнулся обратно на свой мягкий стул. – Я уже двадцать шесть лет его императорское высочество. На вот, Алексей Николаевич, читай!

И сунул пока еще командующему Маньчжурской армией бланк Высочайшей Телеграммы, в которой были прописаны его полномочия. Перечитав текст, неровно отбитый шрифтом аппарата Бодо на желтоватой ленте, Куропаткин побледнел и, вытащив из кармана большой платок, нервно утер дрожащей рукой внезапно вспотевший лоб.

– Ваше Императорское Высочество, – простонал он, – я все равно ничего не понимаю...

Тем временем полковник главного штаба открыл чемоданчик и предъявил Куропаткину бумагу с отпечатанным на машинке текстом.

– Алексей Николаевич, это ваш приказ командующему Восточным отрядом генералу Засуличу? – строго спросил он.

– Полковник главного штаба Александр Петрович Агапеев, – пояснил Михаил, – является моей правой рукой, главным военным консультантом и начальником моего личного штаба. А то мы, наследники престола, академиев не кончали и в тактических тонкостях не разбираемся...

Услышав эти слова, генерал Куропаткин вздохнул и признался:

– Да, это мой приказ! А в чем, собственно, дело, господи?

– А дело в том, – ухмыльнулся Великий князь Михаил, – что, если подходить к военному делу настоящим образом, по-суворовски, кутузовски или скобелевски, отдавшего такой приказ генерала следует отстранять от должности и тут же судить военно-полевым судом со скорейшим расстрелянием у ближайшего сортира. Иначе никак, потому что этот приказ является ярким образцом государственной измены и злоумышления против государя-императора и существующего государственного строя.

После этих слов на Куропаткина было страшно смотреть – он чуть не плакал.

– Но я все равно ничего не понимаю, Ваше Императорское Высочество, – простонал он, – это обычный приказ, как многие другие приказы. Где вы видите в нем государственную измену и прочую крамолу?

– Слышь, Александр Петрович, – тяжело вздохнул Великий князь Михаил, – этот человек даже не понимает, что именно он натворил своим приказом. Недоумок хренов! Правильно про него говорил Александр Владимирович, как про слепца, который командует кривыми...

Полковник Агапеев лишь пожал плечами, потом как бы нехотя начал пояснять:

– Вы, Алексей Николаевич, видимо, окончили ваше военное Павловское училище так давно, что уже позабыли все, чему вас там учили господа преподаватели на занятиях по тактике. А зря, сейчас бы пригодилось. Но можно и повторить урок. Во-первых – пограничная река Ялу, отделяющая Корею от Маньчжурии, является естественным рубежом обороны, а то, что на ней отсутствуют броды и переправляться через нее возможно только с помощью применения плавсредств или наведения мостов, только усиливает это качество. Во-вторых – русские

позиции на правом высоком и обрывистом берегу господствуют над низменным и пологим левым берегом, со стороны которого должны подойти японцы. В-третьих – если этот рубеж снабдить хорошо проработанной и замаскированной системой полевой обороны, то ее штурм потребует у противника десятикратного превосходства в живой силе и артиллерии и готовности к огромным жертвам. К жертвам японские генералы готовы, но если двинуть на рубеж Ялу еще и корпус Штакельберга, то для прорыва этого рубежа у них просто не хватит войск.

– Исходя из этого, – продолжил Михаил, – приказ практически без боя оставить столь выгодный рубеж обороны и отступить вглубь Маньчжурии, ставящий под угрозу коммуникации снабжения крепости Порт-Артур, как раз и является тем самым образцом государственной измены и пораженчества, который вы никак не обнаруживаете в своем решении. Исходя из того, что вы этого просто не понимаете, я должен воспользоваться данными мне правами специального представителя государя-императора и приостановить ваши полномочия впредь до поступления Высочайшего Распоряжения по вашему делу. Я лично буду рекомендовать перевести вас в начальники тыла и тылового района Маньчжурской армии с задачей обеспечить полноценное снабжение сражающихся частей всем необходимым; думаю, что в этом деле вы будете вполне на высоте. А вместо вас я буду рекомендовать назначить генерал-адъютанта Николая Петровича Линевича, как это и было первоначально до вмешательства моего брата. Он, конечно, рискован, но, в отличие от вас, тактику и стратегию знает на «ять» и его мне придется удерживать, а не прищипывать. Впрочем, это уже как решит мой венценосный брат, мое дело – только предложить ему надлежащее решение.

* * *

5 апреля 1904 года, около 7:00. Царское Село, Александровский дворец, рабочий кабинет Е. И. В.

Капитан первого ранга Иванов Михаил Васильевич

Слава Всевышнему, за последние несколько дней, прошедших с момента смерти императрицы Александры Федоровны, император Николай перестал напоминать ожившего покойника, выбравшегося из холодильника и бесцельно шарахающегося по Александровскому дворцу. Матушка его, вдовствующая императрица Мария Федоровна, бывала в Царском Селе чуть ли не каждый день; по странному совпадению, как раз в те моменты, когда императора посещали различные скорбящие родственники, вроде четы из Великого князя Владимира Александровича и его супруги принцессы Марии Павловны, по прозвищу Михень. Эту парочку, дав ей только произнести слова дежурного соболезнования, Мария Федоровна выперла прочь чуть ли не на пинках, пробормотав вслед что-то вроде: «Стервятники! Ходят тут в гости, а потом ложки пропадают!».

Ложки не ложки, а Империя так пропасть может. Не зря же их старший сынок Кирилл, получив маменькину телеграмму: «Приезжай скорей», бросил свое адъютантство у Макарова и без всякого формального оформления отпуска (которого ему все равно бы никто не дал) намылился в направлении Северной Пальмиры. Сняли его с поезда и сунули в каталажку уже в Мукдене люди Великого князя Михаила. Обвинение – дезертирство в военное время. Возможное наказание – расстрел. На самом деле никто Кирилла Владимировича расстреливать не собирается. Еще не хватало вводить такую моду. Самое большое, что ему грозит – позорное увольнение со службы, без пенсии и мундира. Жесткий арест с битьем морды и каталажка потребовались исключительно для того, чтобы обитатели Владимирского дворца сидели тихо, как мыши под веником, и не пытались устроить дворцовый переворот. В противном случае их дорогой Кирюша получит восемь граммов свинца в черепную коробку и вылетит из Большой игры.

Не желая становиться всероссийским императором, Михаил тем не менее вполне по-сатрапски свирепствовал на своем участке ответственности. Кирилла Владимировича вот арестовал так, что тот до сих пор заикается, да и с генералом Куропаткиным провел такую содержательную беседу, что старик чуть было по случайности не дал дуба, хотя, исходя из первоначального замысла, ничего страшнее перевода на административно-хозяйственную работу ему не грозило. Кстати, Николай первый раз по-настоящему вышел из своего траурного ступора именно тогда, когда Михаил прислал телеграмму, прося перевести Куропаткина в заместителя командующего Маньчжурской армии по тылу, а собственно командующим вместо него срочно назначить генерала Линевича. Тогда Николай не стал сразу отвечать брату ни «да», ни «нет», а позвал меня для содержательной беседы по этому вопросу.

Я так понимаю, он всю жизнь находился под внешним давлением, не имея возможности принимать самостоятельные решения. Сначала это были его Папа и маман. Потом приятели детства (вроде Сандро) и офицеры гвардейского стрелкового батальона, в котором наследник-цесаревич проходил офицерскую практику. Потом появилась любезная Аликс, и почти одновременно после смерти отца Николай становится императором; и тут же над его безвольной головой, подобно рою навозных мух, с жужжанием начинают виться различные великие князья, в первую очередь братья его отца – Владимир Александрович, Сергей Александрович и Алексей Александрович. Первый заведует всей гвардией и, как уже говорилось выше, строит планы на Российский трон для своего потомства, второй генерал-губернаторствует в Москве и несет всю полноту ответственности за Ходынку, а третий в чине генерал-адмирала командует всем российским флотом. Одним словом, виварий и серпентарий в одной компактно-экономичной упаковке.

Но в настоящий момент император от этого давления отрезан уже несколько дней, и у него, как у всякого порядочного наркомана, началась по этому поводу ломка. А может, Николай изначально не был приспособлен к самостоятельному существованию и для принятия решений нуждался в сером кардинале. Ведь был же феномен Ришелье – этот человек при вполне живом, самовластном и дееспособном Людовике XIII олицетворял собой Францию. И лишь потому, что таких «кардиналов» у Николая было несколько и дудели они ему в уши каждый свое, получалась в государственном управлении вместо симфонии какофония, а когда в это оркестр включился сектант Гришка Распутин, то началось такое, что хоть святых выноси. Одним словом, Николаю отчаянно хотелось посоветоваться, но от всех привычных источников благодаря своей матери он был отрезан и поэтому потянулся ко мне.

– Господин Иванов, – сказал он мне, когда мы прогуливались по дорожкам парка, по счастью, без всякой стрельбы, – скажите, а господин Куропаткин он действительно так плох, что его надо менять с поста как можно скорее, или мой брат немного погорячился и с этим можно погодить?

Тут надо сказать, что форма беседы во время прогулки в парке была избрана Николаем далеко не случайно. С момента смерти своей супруги он избегал заходить в свой рабочий кабинет, превратив его в такое мемориальное место, где все оставалось так же, как было в момент смерти Александры Федоровны. Единственное, для чего он туда заходил – помолиться за упокой души ее и не рожденного младенца Алексея. Прогулки в парке, напротив, успокаивали императора, настраивая его на лирический и в то же время деловой лад. Я даже начинаю верить, что совместными усилиями с его матушкой у нас получится стабилизировать состояние императора всероссийского и позволить ему дотянуть до того момента, когда он сам сможет передать власть избранному им самим преемнику и удалиться от мира сего в монастырь, скит или просто в частную жизнь.

Еще надо сказать то, что к подобному разговору я готовился с самого отъезда из Порт-Артура (а иначе какой бы я был советчик), поэтому ответ на вопрос последовал почти сразу, после некоторого показного размышления.

– Вы знаете, государь, – ответил я, – как гласит наша история, в качестве командующего армией или комфронта генерал Куропаткин сумел погубить все, что только возможно. В то же время в качестве военного министра и в качестве Туркестанского генерал-губернатора этот человек был вполне на своем месте, и его деятельность на этих должностях принесла России много пользы. Так что я думаю, что ваш брат не погорячился, и смещать Куропаткина с переводом на административно-хозяйственную работу требуется немедленно.

– А что вы скажете о генерале Линевице? – поинтересовался император. – Ему уже шестьдесят пять лет – способен ли он вынести тяжести и лишения войны в Маньчжурии?

– Дело тут не в возрасте, – честно ответил я, – на эту войну генерала Линевица еще хватит. Да и наши медики, если что, помогут, добавят три-пять лет жизни. Тут дело в другом. Если Куропаткин, Стессель и некоторые прочие генералы – это флегматичные волы и першероны, предназначены таскать повозки с амуницией и провиантом, то генерал Линевиц – это старый боевой конь, который почитает за счастье умереть во время отчаянной атаки на вражеские позиции. В качестве командующего Маньчжурским фронтом он в сто раз предпочтительнее, чем Куропаткин, Сахаров и прочие генералы мирного времени, которых в русской императорской армии пруд пруди. Имейте в виду, Ваше Императорское Величество, грядет двадцатый век – век смут, революций и, в первую очередь, войн, так что из нынешних поручиков и штабс-капитанов пора отбирать тех, кто будет возглавлять армии и фронты десять-пятнадцать лет спустя. Как говорят в русском народе: «готовь сани летом, а телегу зимой», вот и будущих боевых генералов тоже лучше готовить загодя.

– Хорошо, Михаил Васильевич, – флегматично согласился Николай, – мы так и сделаем. Вы лучше скажите, как по-вашему, кого лучше назначить моим преемником – Ольгу, как советует этот ваш господин Одинцов, или все-таки Мишкина, как настаивает Маман?

– Сказать честно, – ответил я, – я не знаю. Аргументы про и контра почти уравнивают друг друга. Если бы ваш брат Михаил смог преодолеть свой страх по поводу работы императором, он был бы предпочтительней. Ведь женщина на престоле – это пусть небольшое, но все же потрясение основ. Но если он продолжит уклоняться от такой чести, подобно дикобразу встопорщив все фибры своей души, вы не добьетесь ровным счетом ничего, кроме громкого скандала, какого-нибудь морганатического брака и крушения всех надежд на сохранение монархии в России, ибо разгоревшийся вокруг вашего брата скандал окончательно убьет все ее перспективы. Смена власти в России должна случиться тихо, чинно и почти незаметно для окружающего мира.

Ваша сестра Ольга в этом смысле предпочтительней. Да, она далеко не красавица, но правящей императрице этого и не надо. Зато она умна, чисто по-человечески мудра, а также способна отличить слова одобрения, сказанные от чистой души, от банальной придворной лести. Еще ее плюс в том, что она однолюбка и, выйдя замуж, будет верна своему супругу. А это значит, что не повторятся истории времен Екатерины второй, когда постельные куртизаны делили между собой ложе императрицы и власть над Россией.

– Вот тут вы на сто процентов правы, – согласился император, – родись Ольга мужчиной, я без колебаний оставил бы ей Россию и с чистой совестью удалился в монастырь замаливать грехи. Но так как она женщина, ей понадобится такая вооруженная сила и авторитет, чтобы при восхождении на престол никто и пикнуть не посмел ничего против. Я понимаю, что для этого сначала нужно вдребезги разгромить Японию, и молю теперь Господа только об одном – чтобы это случилось как можно скорее. Знали бы вы, господин Иванов, насколько я устал и как хочу в своих молитвах воссоединиться со своей Алики. Надеюсь, что осталось немного времени, и это случится совсем скоро...

Вот на этой оптимистической ноте мы с императором и расстались. Уже позже я узнал, что им на Дальний Восток были посланы три именных Рескрипта. Один касался Куропаткина и переводил его на вновь созданную должность начальника тыла Маньчжурской армии. Второй,

направленный в Хабаровск, предписывал генералу Линевичу немедленно выезжать в Мукден и принимать должность командующего Маньчжурской армией. Третий рескрипт касался наследника престола и производил его сразу из поручиков в генерал-майоры с назначением временным командующим Армией до прибытия генерала Линевича. Вот такие вот, товарищи, получают пирожки с императорскими котятками.

* * *

7 апреля 1904 года, утро по местному времени. Острова Эллиота, пароход «Принцесса Солнца»

Великая Княгиня Ольга Александровна Романова, 22 года

Сегодня мы, как всегда, сидели за обеденным столом в полном составе, начиная от господина Одинцова и заканчивая девочками-инженерами из группы госпожи Лисовой. Это был наш последний совместный обед пред тем, как Новиков (раньше майор, а теперь полковник) вместе со своей бригадой морской пехоты отправится на войну с японцами помогать моему братцу Мишкину. Как он сказал сам, это есть наш главный и решительный бой. Во время обеда все были несколько более серьезны, чем обычно, в остальном же все проходило как всегда.

Мой Александр Владимирович сидел за столом напротив меня и то и дело останавливал на мне свой взгляд, я же смущалась и отводила глаза. Сегодня в его взгляде было что-то новое. Ну да, мы оба знали, что нам предстоит разлука; и сколько она продлится, ведомо лишь Богу. Александр Владимирович отправлялся на войну, где его могут убить или ранить, ибо от шальных снарядов или пуль не застрахованы даже генералы... Я же остаюсь здесь и могу лишь молиться, чтобы и он, и мой братец Мишкин, который тоже будет в самой гуще, благополучно вернулись домой живыми и здоровыми. Из-за этого мне было несколько тревожно. Но в то же время мной владела какая-то приподнятость. Я ощущала себя Ярославной, провожающей своего князя на великие подвиги.

Хотя, конечно, сходства было не так уж много. Ведь Новиков даже не является моим официальным женихом, не то что мужем. И все наши отношения заключались преимущественно в переглядываниях и обмене любезностями при встрече. Всего лишь пару раз нам удалось побеседовать, оставшись ненадолго вдвоем – так, ни о чем, расспросы друг о друге. Но тем не менее я почему-то не сомневалась, что все это непременно разовьется во что-то большее. Что это – наитие, предчувствие? А может, тут сыграл роль тот случай, когда в катере меня случайно отбросило прямо на его грудь, и я уже падая в пропасть, вдруг ощутила неколебимую поддержку надежного мужского плеча. И как раз в тот момент между нами и проскочило нечто-то такое... Как бы там ни было, но другие люди тоже считают, что наши отношения разовьются в нечто большее. Я ведь все замечаю. И от меня даже сейчас, за обедом, не ускользнуло, как господин Одинцов, переведя внимательный взгляд с Новикова на меня, едва заметно кивнул собственным мыслям, и при этом на его лице было написано удовлетворение тем, что дела идут именно так, как он рассчитывал.

Отобедав, все стали расходиться по своим каютам. А я поднялась на верхнюю палубу подышать свежим морским воздухом и полюбоваться на окрестности. Конечно же, я ждала его, Александра Владимировича Новикова, чтобы пообщаться с ним перед тем как он отъедет. Я даже не задумывалась, о чем буду с ним разговаривать, но поговорить мы непременно должны были. Этому разговору предстояло внести в наши отношения некоторую ясность...

Вот и он тоже поднялся на верхнюю палубу вслед за мной и, когда он увидел, что я стою недалеко и люблю пейзажем, его глаза радостно сверкнули. Решительно он подошел ко мне и произнес:

- Уважаемая Ольга Александровна... Думаю, что нам с вами есть о чем поговорить...
- Наверное, есть... – ответила я и поправила свою шляпку.

Я всегда начинала волноваться в его присутствии. Вот он стоит совсем рядом – коренастый, темноволосый, с ясным взглядом карих глаз... Надежный и честный мужчина. Человек из будущего... И я так волнуюсь именно потому, что он мне нравится. Потому что меня к нему влечет. Когда он рядом, мне хочется, чтобы снова произошло что-нибудь, что бросило бы нас в объятия друг другу...

Он встал рядом. Смотрел он на меня как-то загадочно – серьезно и выжидающе, но и испытующе одновременно. Я вдруг подумала о том, что ему известно обо мне все. То, что остальные люди из будущего знают мою подноготную от рождения и до смерти, как-то не заставляло меня особо задумываться, ведь в моей биографии не было черных пятен. Но перед ним, перед Новиковым, мне вдруг стало как-то не по себе, словно я оказалась в неглиже. Ведь детали моей жизни, не предназначенные для того, чтобы их знали посторонние, для него не были секретом. Он знал даже о том, что мы с мужем ни разу не спали в одной постели... И знал, по какой причине.

Наверное, румянец залил мои щеки. Я отвернулась от Новикова. По небу бежали тучи... На морской глади вздымались волны, гонимые свежим ветром. И казалось, что природа подхватила общий настрой на корабле – то было предчувствие великих свершений и грандиозных перемен... Впрочем, разрушительного шторма не предвиделось.

– Ольга... – тихо произнес Новиков, – могу я быть честным с вами?

– Конечно, Александр Владимирович, – ответила я, не глядя на него – я опасалась, что в моих глазах он прочитает откровенное признание. Ведь еще Маман говорила, что я не умею скрывать свои чувства... Всей душой меня тянуло к Новикову. Не только душой, телом тоже... Это притяжение было непреодолимо. Этот человек был тем, с кем я могла бы быть счастлива. И, наверное, он испытывал нечто подобное по отношению ко мне.

– Ольга... Вы мне очень нравитесь. Нравитесь как человек и как женщина. И это серьезно... Кхм... – он покашлял, борясь с робостью.

– Я вам верю, Александр Владимирович, – с улыбкой сказала я. Его нужно было приободрить. Наверное, его смущал мой титул. Что ж, это нормально. И уж конечно, мне было несказанно приятно слышать его слова о том, что я ему нравлюсь.

Я с лукавством глянула на него. Это был взгляд, который поощрял его продолжать свою речь. Мне было очень интересно, что он еще скажет.

– Так вот, Ольга Александровна... – При этих словах он приблизился ко мне почти вплотную, создав такую заговорщически-интимную атмосферу. Накрывл мою ладонь, лежащую на леере, своей большой и сильной рукой. Меня тут же бросило в жар. – Хочу сказать вам, что это не просто симпатия. Это нечто большее...

– Да? И что же? – вырвалось у меня. Как же мне хотелось, чтобы он сказал это слово! Но в то же время истинные джентльмены словами не разбрасываются. Слова налагают ответственность. Поэтому я предполагала, что он, будучи человеком честным, не станет произносить то, что мне хотелось услышать.

Но я ошиблась. Он вдруг улыбнулся открыто и искренне; глаза его засияли ярким блеском.

– Наверное, любовь! – сказал он, не отводя взгляда.

– Ээ... Вы серьезно, Александр Владимирович? Вы хотите сказать, что влюблены в меня? – Несмотря на то, что я ждала этого признания, оно меня ошеломило и повергло в растерянность. Но тем не менее ощущение счастья нарастало во мне.

– Да, Ольга... – Он не прибавил отчества к моему имени, и это говорило о том, что наши отношения перешли на другой уровень, став более близкими.

Он замолчал. И только крепче сжимал мою ладонь своею, глядя на меня с каким-то ожиданием.

Но что я могла ему ответить? Конечно же, если бы я следовала воле чувств, то тут же бросилась бы ему на шею со словами: «И я! Я тоже люблю вас, Александр!» Но это выглядело бы ужасно и пошло... Я должна вести себя сдержано, как и подобает аристократке, но при этом почему мне нужно лицемерить и жеманиться, если я испытываю к Новикову то же самое? Ну и как мне себя вести? Я была растерянна, хотя и несказанно счастлива, и просто смотрела с нежностью на его мужественное лицо, обращенное ко мне.

Впрочем, мне и не пришлось ничего говорить ему в ответ, потому что он вновь заговорил.

– Ольга... – проникновенно сказал он, – отчего-то сердце мне подсказывает, что вы готовы ответить мне взаимностью. Вижу, вам трудно сказать мне об этом прямо сейчас, но мы еще сможем поговорить на эту тему, когда Япония будет окончательно разгромлена, и мы все вернемся обратно с победой. И тогда мы с вами окончательно решим, как нам быть. Поверьте, меня интересуют только вы лично, и ничто иное. Если вы меня отвергнете, я, конечно, огорчусь, но не обижусь. Если же решите, что я подхожу вам в качестве супруга – то тогда мы с вами поженимся...

– Но ведь я... уже замужем... – произнесла я. Мне и в самом деле показалось немного неправильным говорить о моем предполагаемом замужестве при том, что муж у меня уже есть, пусть и чисто условный, как говорит Дарья, виртуальный. Все же наш брак освящен Церковью, и для меня это совсем не шутки...

– Ах ну да... – Он немного погрузнел, его ладонь соскользнула с моей руки. Он обвел взглядом горизонт, немного помолчал и, вновь обратившись ко мне свой взор, сказал с уверенной улыбкой: – Ольга... Если только вы имеете ко мне те же чувства, что и я к вам, то тогда у нас с вами все будет хорошо. Даю слово офицера, я сделаю для этого все возможное и невозможное. Что же касается вашего нынешнего брака, то, вы уж простите, но мне и всем нашим прекрасно известно, что он фактически не состоялся и что достаточно решения вашего царствующего брата, чтобы Церковь признала этот брак несостоявшимся и фиктивным, после чего просто аннулировала бы его. Думаю, что с теми возможностями, которые откроются перед нами после победы над Японией, нам совсем не придется ждать шестнадцатого года. Простите меня за бестактность, я не хотел вас обидеть. Видите ли, в нашем мире все намного проще... Но я очень постараюсь быть внимательным к вам... Ольга... мне хочется поддерживать и оберегать вас. Баловать и дарить вам радость. Говорить нежные слова и заботиться о вас... Но я понимаю, что пока не могу делать этого всего в силу нескольких причин. Но все эти причины, Ольга, вполне преодолимы... Вполне, заверяю вас, и когда-нибудь (надеюсь, очень скоро) не останется никаких препятствий к тому, чтобы мы были вместе... – Он немного помолчал, а затем сказал уже другим, более тихим голосом: – Не знаю, позволите ли вы мне себя поцеловать, но осмелюсь просить на то вашего разрешения...

Боже, каким милым он был в этот момент! Похожим на влюбленного студента. Никогда еще я не видела, чтобы у мужчины так горели глаза... И именно тогда я и поверила всерьез, что у нас вправду будет все хорошо. Боже, спасибо тебе за эту возможность стать счастливой в личной жизни и при этом спасти Россию! Я обещаю сделать все возможное, чтобы Твой замысел удался!

– Позволю... – еле слышно пролепетала я. Мне до дрожи хотелось ощутить его губы на своих, и все остальное уже было неважным...

Он потянулся ко мне и мы поцеловались... Шумели волны, палуба слегка покачивалась, над водой метались какие-то птицы – и во всем окружающем мне слышалась торжествующая песнь счастливой любви...

* * *

9 апреля 1904 года 10:30 по местному времени. Мукден, Железнодорожный вокзал

Генерал-адъютант Линеви́ч Никола́й Петро́вич (65 лет)

Именной рескрипт, назначавший меня, старика, командующим Маньчжурской армией, явился для меня немалой неожиданностью. А то как же, я ведь уже был ее временным командующим в самом начале войны, потом из Петербурга прислали Куропаткина, которому не сиделось в кресле военного министра, а меня вернули обратно в Хабаровск, командовать Приамурским военным округом. Рылом я, видите ли, не вышел, академиев в Николаевские времена не заканчивал, военного училища, впрочем, тоже. Вступил в службу в 1855 году, юнкером в запасной батальон Севского пехотного полка. Военную науку постигал на практике в боях с немирными горцами, турками и азиатскими разбойниками, почти за полста лет службы от юнкера до генерал-адъютанта ни разу не вступив на Петербургские паркетные и все больше обретаясь по окраинам империи.

И вот снова неожиданный поворот – вернули прежний пост с указанием незамедлительно прибыть в Мукден. Пришлось собирать стариковские кости в дорогу. Когда государь-император в своей телеграмме пишет «срочно» или «незамедлительно», то тут чай не допивают и партию в нарды не доигрывают. Руки в ноги – и вперед, в Мукден, куда поближе к резиденции наместника перебрался при Куропаткине штаб Маньчжурской армии. Всю дорогу в выделенном специально для меня литерном поезде, я размышлял, чего бы такого мог натворить генерал Куропаткин, чтобы его отставляли с эдаким треском и быстротой.

Мелькали за окном вагона верстовые столбы, мелькали дни на календаре, а я все никак не мог прийти к какому-то определенному мнению. Вроде бы бои в Маньчжурии еще не начинались и японцы только собираются выйти к Маньчжурско-Корейской границе. Им же, бедолагам, кхе-кхе, тяжело. Вместо обозных лошадок и волов все необходимое у них везут на тележках специальные военные носильщики, и по штату один такой носильщик приходится на трех солдат. Если русская пехотная дивизия суточным маршем может пройти тридцать верст, то японская только четыре. И все через этих носильщиков, которые тянут свои тележки со скоростью неторопливого пешехода, и к тому же крайне быстро утомляются.

Таким образом, прибыв на поезде в Мукден, я все еще не пришел к каким-то определенным умозаключениям. Впрочем, на вокзале меня уже встречали. Почетный караул, оркестр, лично господин Куропаткин и еще один молодой человек, в котором я с трудом опознал младшего брата государя-императора – настолько мало Великий князь Михаил Александрович имел сходства со своими газетными фотографиями. А может, это фотографии были на него непохожи, потому что наши газетчики обязательно что-нибудь перепутают или перевернут. В свите Великого Князя Михаила Александровича меня встречали еще два полковника, на которых я по первости не обратил особого внимания. А зря-зря. В них-то двоих и была вся соль этой истории. Но обо всем по порядку.

Встречающий меня Алексей Николаевич выглядел, мягко выражаясь, не в своей тарелке – он все время потел (хотя день был совсем не жаркий) и косился на Великого Князя с таким видом, будто рядом был не человек, а голодный и злой амурский тигр. Примерно такие же короткие опасливые взгляды генерал Куропаткин бросал и на полковников, сопровождавших Михаила Александровича, что опять же показалось мне до предела странным. Как генерал-адъютант и бывший военный министр может опасаться какого-то полковника, которого с высоты его должности и не разглядеть? Вот присутствующий тут же наследник-цесаревич Михаил Александрович – это другое дело, особенно с учетом перспектив того, что детей мужеска пола у государя-императора Николая Александровича, наверное, уже и не будет.

После того как оркестр отыграл свое и почетный караул поприветствовал меня дружным ревом молодых глоток, оказалось, что принимать дела мне нужно у наследника-цесаревича, а не у генерал-адъютанта Куропаткина. Тот их уже сдал и занимал теперь новоизобретенную должность заместителя командующего армией по тылу, объединяющую собой все вопросы материального снабжения, тылового обеспечения, создания надлежащих бытовых условий господам генералам и офицерам, и так далее и тому подобное. Должность, я думаю, специально изобретенная для такого человека, как Алексей Николаевич, и на ней он сможет проявить себя наилучшим образом. Великий князь Михаил Александрович, поздоровавшись со мной со всей возможной теплотой, крепко пожал мне руку и сказал, что они тут меня прямо заждались и что без меня просто никуда. Эти слова для меня, старика, были буквально как медом по сердцу, ведь еще совсем недавно я считал себя никому не нужным замшелым старым пнем, а тут оно вот как обернулось. Не возгордиться бы мне сверх меры...

Едва закончилась официальная часть церемонии, генерал Куропаткин куда-то исчез (наверное, отправился хлопотать по хозяйству), а наследник-цесаревич представил мне своих спутников. Полковник главного штаба Агапеев Александр Петрович показался мне серьезным и грамотным офицером, но при этом он был, можно сказать, вполне обыкновенным, таким как и многие способные офицеры, которые, может, станут новыми Скобелевыми, Суворовыми и Кутузовыми, а может, и не станут. За время своей полувековой службы я видел множество офицеров, и господин Агапеев почти ничем не выбивался из их общей массы.

В противоположность господину Агапееву, полковник морской пехоты (не капитан первого ранга, а именно полковник) Новиков Александр Владимирович был необыкновенен во всем. Начинать перечисление этого необычного можно было с несуществующего в русской армии земноводного рода войск, а заканчивать манерами, выдающими в нем человека неместного, плохо знакомого с реалиями Российской империи, и в то же время действительно настоящего русского и православного. И еще мне показалось, что смотрел он на нас как-то сверху вниз – не свысока, без чувства собственного превосходства, а именно сверху, как взрослый на несмышленных детей, будто ему понятны не только наши явные желания, но и скрытые от всех тайные побуждения.

При этом Великого Князя эти странности не пугали и не настораживали. Его Императорское Высочество Михаил Александрович выглядел так, будто был посвящен в самую великую и ужасную тайну века, и посвящен, так сказать, счастливо. А господин Куропаткин тоже посвящен, но, с позволения сказать, несчастливо. И тайна эта каким-то образом касалась господина Новикова, потому что наследник-цесаревич гордился своим с ним знакомством, а Куропаткин шархался от него как черт от ладана.

По некоторым оговоркам Его Императорского Высочества и господина Агапеева я понял, что господин Новиков имел непосредственное отношение к той таинственной истории с утоплением японского флота, а также захватом вражеской морской базы на островах Эллиота. Во время того дела рота этой самой морской пехоты, подчиненная господину Новикову, атаковала вражеский гарнизон численностью до батальона и вырезала его, как волки вырезают отару овец, не понеся никаких потерь.

Как человек, немало поживший и еще больше повоевавший, я могу сказать, что у меня сложилось такое впечатление, что этот человек способен учинить нечто подобное. Свирепый, хитрый, ловкий и очень умный, он был смертельно опасным врагом для тех, кому не повезло оказаться на противной стороне, и верным и надежным товарищем для всех русских воинов, сражающихся с нападшими на наше Отечество японскими макаками. России верен аки цепной пес, если будет надо – зубами врага рвать станет. Но все равно, как это ни странно, было в полковнике Новикове нечто такое, что заставляло думать о его нездешнем происхождении. Но, впрочем, к нынешнему делу это никакого отношения не имеет.

* * *

Час спустя. Мукден, штаб Маньчжурской армии Генерал-адъютант Линевиц Николай Петрович

Времени формальностям было уделено немного. Закончив с представлениями и не дав мне ни на минуту опомниться, наследник-цесаревич усадил нас всех в экипажи и повез в штаб Маньчжурской армии, что расположился во дворце Наместника. Там он сразу взял быка за рога, объясняя мне, как он выразился, диспозицию.

– Значит, так, Николай Петрович, – сказал он, подведя меня к висящей на стене большой карте Маньчжурии, – важнейшее значение для нас сейчас имеет рубеж реки Ялу. Сумеет ли не пустить японцев в Маньчжурию и сделать так, чтобы они, умывшись на это реке кровью, понесли невосполнимые потери – значит, будем в дамках. Не сумеет – даже при нашем господстве на море начнется затяжной геморрой, который еще неизвестно как кончится. Господа англичане в случае задержки помогут, и привезут японские подкрепления на своих пароходах и прикроют их своими крейсерами, а начинать войну с Вадычицей морей нам сейчас совершенно не с руки, да и сделать это можно только по распоряжению из Петербурга.

Немного помолчав, Великий Князь вдруг решительно произнес:

– Так что вы уж не обессудьте, пока вас еще не было, я в соответствии со своими правами временного командующего и при полной поддержке адмирала Алексеева двинул к Ялу в дополнение ко 2-му сибирскому корпусу генерала Засулича, 1-й Сибирский корпус генерала Штакельберга. Одновременно я приказал расположить корпуса генералов Зарубаева, Случевского и Бильдеринга таким образом, чтобы перекрыть все возможные места высадки вражеского десанта. На самом деле таких мест очень немного, а армия, только что высадившаяся на берег, очень уязвима против внезапной контратаки противника. Наш резерв во время сражения составят 1-й армейский корпус, прибывающий сейчас из Петербурга и 5-й Сибирский корпус, формирующийся из частей Приамурского военного округа...

Я посмотрел на карту, подумал и согласился, выговорив себе только то условие, что я непременно должен буду побывать на каждом из обозначенных рубежей, чтобы увидеть и оценить все своими глазами. На этом мы расстались; я остался в штабе, а Наследник-цесаревич со товарищи засобирались ехать дальше на Ялу, приводить в чувство генерала Засулича, который при Куропаткине впал в неуместное благодушие и расслабленность.

* * *

12 апреля 1904 года, полдень. деревня Тензы, в окрестностях Тюречена на реке Ялу, штаб Восточного отряда

Вдали, на Фынхуанченской дороге, поднялась столбом пыль – это свидетельствовало о том, что в направлении деревни Тензы на рысях приближается крупный кавалерийский отряд. Командующий Восточным отрядом генерал-лейтенант Засулич, как раз собравшийся отобедать на свежем воздухе под натянутым тентом в окружении адъютантов (а также прочих блюдолизов и подхалимов), еще не догадывался, что это, пришпоривая коней, торопится злобный, как дьявол, и неотвратимый, как Немезида, Великий Князь Михаил Александрович. И спешит он как раз по душу генерала Засулича. А то что же это такое – японская армия вот-вот начнет штурм пограничного рубежа, а командующий Восточным отрядом обедающий и лясы точит. Тут кто угодно взбесится и кинется разбираться, кто тут самый главный враг народа и верховный предатель. А Засулич-то и не предатель... Он всего лишь полностью не соответствует занимаемой им должности, что, впрочем, ничуть не уменьшает его ответственности.

Тут ради справедливости надо сказать, что по молодости, участвуя в Русско-турецкой войне за освобождение Болгарии, Михаил Иванович Засулич, находясь в чинах от капитана до подполковника (чин майора в русской армии был аннулирован только в 1884 году), сумел совершить немало героических дел. За мужество и героизм, проявленные в боях с турками, будущий генерал был награжден Золотым оружием, орденом Святого Георгия 4-й степени, орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом и орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами. Также он неоднократно досрочно повышался в звании с формулировками «за боевые отличия», или «за отличие по службе». Одним словом, его карьера развивалась точно так же, как и у генерала Куропаткина, только без куропаткинских сверхспособностей к административно-хозяйственной деятельности. В принципе, карьера этого вполне достойного офицера должна была остановиться на звании полковника и должности командира полка, потому что способностей для командования в бою дивизией, корпусом или армией у него не было и в помине.

Итак, самое интересное произошло тогда, когда запыленные кавалеристы на рысях доскакали до того места, где под хлопающими на легком весеннем ветерке полотняными тентами расположились начальствующие чины Восточного отряда. Великий князь Михаил Александрович, который и не думал скрывать своего неудовольствия в адрес генерала Засулича, был моментально опознан присутствующими. Не каждый же день к ним на обед заглядывали наследники Российского престола. Впрочем, Михаил героическим усилием воли сдержал в себе желание съездить Засулича плетью поперек наглой рожи. Вместо того он пока всего лишь потребовал разослать нарочных, чтобы на три часа пополудни собрать на военный совет всех восьмерых командиров полков и обоих командиров дивизий. И после этого, демонстративно не обращая внимания на Засулича, который настойчиво приглашал его к столу, уселся на ближайший поросший травой пригорок перекусить походной снедью вместе с ахтырцами и кирасирами. Такой игнор – это значительно хлеще, чем просто плетью по роже. Это – обещание больших и очень больших неприятностей в будущем.

* * *

Час спустя, там же

Полковник Новиков смотрел на собравшихся генералов и офицеров и думал, что судьба этих людей, а также их подчиненных, теперь радикально изменится. Те, что погибли в героическом и одновременно бессмысленном и позорном (для командования) Тюреченском бою, теперь получают шанс победить и выжить. По-настоящему победоносные сражения как раз и отличаются тем, что победившая сторона несет в них минимальные потери, а побежденная – максимальные. У нас, думал он, есть все возможности для того, чтобы русская сторона победила в этом сражении, и победила с разгромным счетом. Во-первых – местность, которая благоприятствует обороне. Во-вторых – храбрые русские чудо-богатыри, способные свернуть шею любому врагу, лишь бы им не мешало начальство. В-третьих – корпус Штакельберга, который идет следом за нами и вот-вот будет здесь, на реке Ялу. В-четвертых – поддержка флота, который на эту показательную порку выделил мою бригаду морской пехоты и четыре канонерские лодки.

А канонерки – это серьезно. Каждая из них вооружена девятидюймовым орудием, снаряд которого весит сто тридцать два килограмма и при максимальном угле возвышения летит на восемь с половиной километров. Орудие хоть и древнее, но вполне серьезное, и в сочетании с нашими ротными беспилотниками для контрбатарейной борьбы подходит в самый раз. Представляю себе «изумление» японских артиллеристов, когда к ним на огневые позиции начнут падать восьмипудовые чугунные гостинцы с адской начинкой из влажного пирокси-

лина. Контрбатареинная борьба в данном случае является высшим проявлением артиллерийской стратегии путем навязывания противнику своей неумолимой воли.

Тем временем Великий князь Михаил, за все время пребывания в штабе Восточного Отряда сказавший генералу Засуличу едва ли пару слов, оглядел находящихся в состоянии легкого мандража начальствующих лиц, изнывающих в состоянии легкого нетерпения. Конечно, новость об отстранении от командования генерала Куропаткина и свирепствах Великого князя Михаила в Мукдене успела дойти уже и в эти Палестины, но пока еще никто из старших командиров не представлял себе, каким образом это событие отразится на их собственных судьбах. Мало кому из взрослых здоровых мужиков нравилось подчиняться импотентскому приказу Куропаткина: «...с твердостью и благоразумием избегать решительного боя с противником путем отхода на главные силы нашей армии...». Никто из них не хотел пассивно ждать вражеского наступления, ибо ожидание это было тяжелее боя. В тысячу раз охотнее они сами атаковали бы японцев, занимавших противоположный берег реки, помешали бы им готовиться к переправе через Ялу, разгромили бы их и погнали назад в Корею.

Великий князь Михаил тоже уловил эти настроения. В эту минуту он показался Новикову ближе к красным командармам Гражданской, пытающимся улавливать настроения масс, чем к рафинированному царскому генералитету, для которого свои умственные построения были важнее окружающей их грубой реальности.

– Господа, – обратился он к ожидавшим его речи офицерам, – обстановка сложилась так, что предыдущее командование Маньчжурской армией своими действиями почти поставило ее на грань поражения. Но теперь это прошлое, и не будем о нем говорить. Как говорят на Кавказе, кто бежал – тот бежал, кто убит – тот убит. Все! Теперь у вас новый командующий армией – генерал-адъютант Линевиц, и новая тактика со стратегией. Для начала я должен довести до вашего сведения, что новый командующий отменил прежний приказ, изображая арьергардные бои отступать в направлении главных сил армии. Теперь вы должны стоять тут насмерть, не пропуская врага вглубь Маньчжурии. Для дополнительного обеспечения успеха в подкрепление вашему Восточному отряду в направлении реки Ялу в настоящий момент от Ляоляна выдвигается 1-й Восточносибирский корпус генерал-лейтенанта Георгия Карловича Штакельберга, который должен будет удвоить численность наших войск и обеспечить неприступность этого естественного оборонительного рубежа.

Генерал Засулич, покраснев, хотел уже было что-то возразить, но Великий князь ожег его таким взглядом, что невысказанные слова застряли комом в холеной глотке.

– Генерал-лейтенант Засулич, – суровым тоном произнес наследник-цесаревич, – за проявленные при подготовке Тюреченской позиции и планировании сражения разгильдяйство, нерешительность и преступную халатность снимается с командования Маньчжурским отрядом и направляется в распоряжение командующего Маньчжурской армией. Исполняющим обязанности командующего восточным отрядом назначается прибывший со мной генерал-лейтенант граф Федор Эдуардович Келлер⁸, человек горячий, храбрый, на мой взгляд, иногда так и слишком. Берегите его как зеницу ока и даже больше, потому глаз у каждого из вас по два, а командир только один⁹.

Услышав эти слова, только что красный как рак генерал Засулич внезапно побледнел и отступил назад – уж больно суровым и неумолимым показался ему в этот момент наследник императорского трона, а Великий князь Михаил, дождавшись, пока его предшествующие слова будут восприняты аудиторией, продолжил уже более спокойным тоном:

---

⁸ Не путать с его более известным двоюродным братом Федором Артуровичем Келлером, не участвовавшим в русско-японской войне.

⁹ В нашей истории генерал-лейтенант Келлер возглавил Восточный отряд двумя месяцами позже и из-за своей чрезмерной храбрости и привычки лезть в самые опасные места погиб при артиллерийском обстреле открыто стоящей батареи, будучи поражен сразу тридцатью шестью шрапнельными пулями.

– С сего момента должно прекратиться всяческое безделье и разгильдяйство. Всем пехотным полкам должны быть нарезаны передовые, основные и тыловые рубежи обороны, и наши солдатики денно и нощно должны укреплять свои позиции, стремясь восполнить то, что не было сделано за предыдущие два месяца. Шестая восточносибирская стрелковая дивизия генерал-майора Трусова всеми своими полками занимает рубеж обороны на север от впадения в Ялу реки Эйхэ до городка Амбихэ. Особое внимание на Медвежью сопку. Пока она в наших руках, японцы на нас могут только кидаться, с тем же успехом, что и собака на забор. Третья восточносибирская дивизия занимает рубеж по правому берегу реки Эйхэ от деревни Потетынзы до городка Саходзы. Также необходимо установить надежную телефонную связь – как между полками, стоящими в обороне, так и каждого полка со штабом. Но самое главное дело предстоит охотничьим командам (разведротам), а также казакам полковника Мищенко, которым необходимо выяснить те направления, с которых будет наступать противник. Это нужно для того, чтобы подготовить ему достойную встречу. Времени до решающих событий осталось совсем немного, и если мы за ближайшие несколько дней не сумеем сделать то, что никак не делалось в то время, когда этот рубеж был занят нашими войсками, то грош нам всем цена. Завтра утром мы с Федором Эдуардовичем ждем каждого из вас с подробными рапортами об обустройстве обороны на вверенных вам участках. Вперед, господа, время не ждет.

* * *

15 апреля 1904 года, полдень по местному времени. Острова Эллиота, пароход «Принцесса Солнца»

Дарья Михайловна Спиридонова (почти Одинцова), 32 года

Удивительные у Ольги глаза. По ним сразу видно, грустит она или радуется, беспокоится или находится в состоянии безмятежности. Кроме того, в их глубине мерцает отблеск ее внутреннего мира, и видно, что мир этот весьма богат. Ну как же – художница, музыкантша. Тонкая, искренняя душа... Но при этом достаточно сильная натура – и это хорошо ощущается, когда она сидит рядом. Сила ее в том, чтобы преодолевать жизненные обстоятельства в том, что возможно преодолеть, и в то же время уметь смириться с неизбежным, а также меняться навстречу новому, и при этом сохранять нетронутой свою внутреннюю суть... Удивительная женщина!

Сейчас мы находимся у меня каюте, куда я привела Ольгу для того, чтобы переговорить «между нами, девочками». Грустная, или, скорее, задумчивая, она стояла на палубе, когда после обеда я проходила мимо. Что-то мелькнуло в ее глазах – словно немая просьба выслушать безмолвный крик ее души. Но вслух она не решилась сказать мне ни слова, только кивнула с легкой застенчивой улыбкой...

И я, естественно, не смогла оставить ее стоять там в одиночестве и дальше, хотя и собиралась заняться своими делами на берегу. Ничего, дела подождут, они и так крутятся как хорошо смазанная и отлаженная машина. Вместо того я по-простому предложила Ольге попить чаю в моей каюте. Ну, это просто мы так говорим: «попить чаю», на самом деле при подобных обстоятельствах это подразумевает предложение пообщаться по душам. И пьют при этом не только чай или совсем даже не чай. Но как бы то ни было, Ольга с радостью приняла мое предложение – видимо, то что она хотела выплеснуть наружу, уже давно жгло ей язык.

Сложив руки на коленях и чуть свесив голову набок, она несколько отстраненно наблюдала, как я завариваю чай, насыпаю в вазочку конфеты с печеньем. Взор ее был чуть затуманен. Ну да, причина грусти понятна – ведь Новиков уехал на войну... Надеюсь, им удалось попрощаться как следует – ну, то есть, поговорить наедине о совместных перспективах... Тьфу, пришлось мне себя одернуть, – не о перспективах, а о любви! Ведь любовь главное – там, где есть она, там есть и перспективы. Что ж я так выражаюсь-то (хоть и мысленно), словно боюсь

назвать вещи своими именами? Нет, так не пойдет, нужно полностью открыть свое сердце навстречу другому. Ведь сейчас, возможно, Ольга станет изливать мне свою душу... Очень вероятно, что она даже решит пооткровенничать со мной.

Однако начинает Ольга с дежурных любезностей. Отпив глоток, хвалит мой чай. Вижу, что не знает, как перейти к главному. Может быть, даже считает, что это не совсем прилично – открыться постороннему человеку. Правда, смею надеяться, что меня она все же не считает совсем уж посторонней. Но тем не менее, наверное, ей надо помочь.

– Ольга... – говорю я, внимательно глядя на нее, – расскажи, что беспокоит тебя. Я же вижу, что тебе хочется о чем-то поговорить. Ты не смущайся, пожалуйста. Это нормально, когда две женщины делятся друг с другом чем-то таким... сокровенным. В нашем мире, знаешь, это обыкновенное явление. Ну, правда, чаще всего не за чаем подруги это делают, а за бутылочкой чего покрепче... – Ольга удивленно заморгала, а я продолжила свою мысль: – Ну да, бокал хорошего вина, а еще лучше рюмка коньяка, часто помогает излить то, что на душе накопилось...

Я замолчала, потому что мне показалось, что она хочет что-то сказать. Ее губы приоткрылись, она в нерешительности провела рукой по подбородку и затем робко произнесла:

– Правда?

– Ну да, – подтвердила я, – правда. Хороший алкоголь, от которого потом не болит голова – это просто идеальный адаптоген.

– А... если мы... ну... – Она не договорила, но я, конечно же, сразу поняла ее.

– Конечно же, мы тоже можем! – воскликнула я с улыбкой. – Почему бы и нет? У меня там, кажется, было кое-что...

Я подошла к секретеру и достала маленькую дамскую бутылочку местного «Хеннеси», доставшуюся нам в трофеи вместе с пароходом, а заодно и пару коньячных стаканов. Разливая коньяк по стаканам, я украдкой наблюдала за Ольгой и видела, что она не сводит глаз с моей руки. Кажется, все эта процедура уже начинала благотворно действовать на ее психику. Я, честно сказать, не могла знать, как Ольга относится к алкоголю. Однако, поразмыслив, пришла к выводу, что наверняка ей доводилось пробовать разные вина или что-нибудь другое, и уж бокал хорошего коньяка никак не навредит, а лишь поможет преодолеть некий барьер в нашем общении. До этого мы, по сути, были лишь приятельницами... Но, может быть, после сегодняшнего нам удастся стать подругами? Мне бы этого хотелось. В ТОМ мире у меня не было близких друзей, но сейчас Ольга вполне могла бы стать таковой... Впрочем, не знаю, как получится. Но мне кажется, в сердце каждого человека живет тоска по настоящему другу, которому можно доверить свои тайны и поделиться беспокойствами... Как в этом мире расценивают женскую дружбу, мне было неизвестно. Почему-то мне казалось (на основании когда-то прочитанного), что это был довольно чопорный период. И едва ли дамы откровенничали между собой так, как они делают это в нашем времени.

Тут мне в голову пришла мысль, что я даже толком не знаю, с чем вообще У НИХ принято пить коньяк. У нас-то мы использовали для этих целей шоколадку (вон, разломанная на кусочки, лежит на блюдечке). Ага, есть и лимон! Вот и славно – закуска имеется. Но все равно я беспокоилась, что этого недостаточно – не хотелось бы опростоволоситься перед Ольгой...

– Вот, Ольга, закусывайте лимончиком или шоколадкой... – сказала я, – к сожалению, больше ничего предложить не могу.

– Ничего, Дарья, – с улыбкой ответила Ольга, – не беспокойтесь, пожалуйста. Представьте, что вы там, у себя, в вашем мире... Там ведь у вас все просто, не так ли?

– Ну да, все верно, – согласилась я и подняла свой стакан. Она сделала то же самое. Что ж, представить, что я в своем мире, мне не составляло труда. Для этого мне было достаточно одного – не напоминать себе постоянно, что я в 1904 году и передо мной – сама Великая Княгиня, будущая императрица. – Давай, Ольга, выпьем за мужчин! За тех, без кого немис-

лима наша жизнь. За наших защитников и вершителей истории. За честных, благородных, отважных! Пусть им всегда сопутствует удача и ведет по жизни счастливая звезда! А мы будем любить их, и ждать, и верить им, и дарить им радость... За мужчин – за наших мужчин! – И я выпила свой коньяк, закусив лимоном. Крепкий, зараза! Но весьма, как говорится, недурен... Местный как-никак.

Она тоже выпила свою рюмку. Там было-то грамм пятьдесят. Совершенно спокойно, лишь на секунду зажмурилась. Что меня удивило – она не взяла ни шоколадку, ни лимон. Правильно истолковав мой несколько недоумевающий взгляд, она сказала:

– Знаете, Дарья, обычай закусывать коньяк лимоном пошел от моего брата... да-да, от Николая. Любопытно, что и через сто лет он сохранился... – Она улыбнулась. Ее щеки слегка раздурманились, а в глазах стало еще больше блеска, словно там зажгли дополнительные светильники. Чуть помолчав, она добавила: – А вообще-то коньяк не принято закусывать. И я никогда этого не делаю... Хотя в остальных особых правил не придерживаюсь.

– Правда? Надо же... Буду знать. Признаться, ты меня удивила, – ответила я. И только тут поняла, что обращаюсь к ней на «ты», причем с самого начала. Причем меня это абсолютно не смущало, впрочем, ее тоже.

– Дарья... – произнесла Ольга. Ее лицо стало чуть более сосредоточенным, – ты так хорошо сказала про мужчин... И я вдруг подумала, что есть настоящие мужчины, а есть... ну, просто подобие. – Она помолчала, и молчание это было каким-то взволнованным. Коньяк произвел нужный эффект. Между нами, девочками, наступил момент откровенности... – Вот мой муж... он... Ах ну да, вы же знаете... – Она опустила голову, покусывая губы. Затем взглянула прямо мне в глаза и сказала: – Собственно, вы знаете обо мне все. Но в то же время многое скрыто от вас – то, о чем не написано нигде, в чем и сама я никогда не признавалась... Не то что не признавалась, а просто не считала нужным об этом кому-либо рассказывать. Это – вещи не во всеуслышание, это то, что живет глубоко в душе, это скрытые эмоции, невыраженные чувства, подавленные желания... Я хочу вам все рассказать, Дарья. Вы ведь слушаете меня? Это будет просто этакий душевный выплеск... Вы ведь не осудите меня за это и сохраните все в тайне, правда?

– Конечно, Ольга! – заверила я. – Ты можешь полностью мне доверять, и можешь и поплакать, и пожаловаться. Это нормально! Так и должно быть. Я выслушаю и не осужу. Человек не может держать в себе переживания запертыми на замок; если он не может никому довериться, он когда-нибудь взорвется... Не в буквальном смысле, конечно.

– Спасибо... Я чувствовала, что вы поймете меня... – тихо пробормотала она и стала говорить: – Я честно пыталась полюбить своего мужа. Старалась найти в нем хорошее; и, знаете, находила. О плотской стороне жизни я тогда мало что знала. Ну, если по правде, то вообще ничего не знала... На ночь он целовал меня в щеку... Губы его были сухими и даже каким-то колючими... И уходил в свою спальню. Часто он уезжал на всю ночь... И утром вообще меня не замечал. Когда мы изредка выходили в свет, я слышала шепотки за своей спиной, но не могла разгадать их смысл... Я старалась убедить себя, что все нормально, у меня такая же жизнь, как и у многих – ну, не сказать что хорошая, но и не безнадежно плохая. Муж мой всегда был спокоен и как-то отстранен, по большей части он казался погруженным в свои думы. Часто я видела, как он бродит туда-сюда по залу и что-то бормочет себе под нос. Потом я узнала, что он пытается сочинять стихи. Случайно нашла забытый им листок на полке шкапа в его кабинете... Там было что-то о природе, о траве, о луне, о «мятущихся» деревьях... Ужасающе бездарное четверостишие. Но оно меня тронуло. Я посмотрела на него какими-то другими глазами, я старалась оправдать его равнодушие. Я стала ласковой с ним, сама старалась обнять, прижаться... Пытаясь быть вежливым, он тоже обнимал меня, но неизменно меня обдавало холодом от этих объятий... И однажды, заглянув ему в глаза, я увидела там даже не равнодушие, а... гадливость, что ли... трудно объяснить... но казалось, что он все на свете готов

отдать, чтобы я его больше никогда не обнимала. Это открытие потрясло меня. Я стала по возможности избегать его. Он был этому, пожалуй, только рад. А потом мне один человек... в общем, мне кое-что разъяснили по поводу того, почему мой муж так себя ведет. Это едва не убило меня, казалось, небо рухнуло на землю. Сначала я не могла поверить. А потом... потом все сошлось. Его странные приятели, ночные отлучки... Боже, что со мной было... Тогда-то я и перестала быть наивной восторженной девочкой. Кроме того, я стала задумываться о том, что между мужем и женой должны быть близкие отношения – так повелел Господь, «плодитесь и размножайтесь»... Понемногу мир открывался мне из разговоров, наблюдений, из книг – и все это заставляло меня томиться и страдать оттого, что я не могу быть счастливой простым человеческим счастьем... Как же я жалела, что согласилась на этот брак! Думала, что главное – остаться в России, а остальное неважно. А оказалось, что важно... – Ольга помолчала, устремив взгляд куда-то вдаль, сквозь переборку каюты. Грудь ее вздымалась от волнения. – Но я пересилила себя. – Тут она посмотрела прямо на меня. – Я много молилась. И... и я смогла смириться. Я успокоилась и перестала метаться. Я осознала, что на все воля Господа нашего... А значит, не зря он дал мне именно такого мужа. И я лишь просила Господа открыть мне промысел Его. И в какой-то момент меня отпустило – у меня словно открылись глаза, а жизнь вновь окрасилась яркими цветами. Мне стали нравиться мужчины... – Ольга улыбнулась, и в ее глазах заплясали задорные огоньки. – Нет, конечно, у меня и в мыслях не было завести себе любовника, а как бы это сказать... ну, мне хотелось общаться с мужчинами, изучать их. Я стала изображать их образы... Вот, знаете, карандаш скользит по бумаге, ведомый лишь моим вдохновением – и наконец выходит мужественное лицо романтического пирата... или загадочного рыцаря... или весельчака-менестреля... Или я просто изображаю обнаженное мужское плечо вместе с рукой... – Она звонко рассмеялась. – Потом рассматриваю свои рисунки и мне отчего-то стыдно становится... И такое, знаете ли, томление в сердце или в душе... не знаю... Наверное, это был зов естества. Мне хотелось любить... – Она замолчала, улыбаясь своим мыслям.

– Ээ... Ольга... – сказала я, завороченная ее милой, непосредственной манерой рассказывать, – может, еще по чуть-чуть?

– Давайте! – махнула она рукой, ну точь-в-точь так, как это сделала бы моя современница при подобных обстоятельствах.

Я разлила коньяк. Ольга, подняв рюмку, произнесла:

– А я хочу выпить за женщин! За таких, как вы, Дарья. Спасибо, что вы меня слушаете. Знаете, и вправду легче стало. Вот как будто гора с плеч! И как-то проще теперь на все смотреть, и яснее как-то все становится...

– Ну, давай за женщин, Ольга! – сказала я. – И за тебя в том числе!

Мы выпили. Я тоже не стала в этот раз закусывать. Она это заметила и соорудила лукавую гримаску, после чего мы дружно рассмеялись. Алкоголь приятно кружил голову. В компании Ольги мне было хорошо, и я очень ценила ее доверие.

– Ну а что Новиков? – спросила я.

– Александр Владимирович... он... – она опустила глаза и зарделась – скорее, от удовольствия, чем от смущения, – он сделал мне признание... – И она подняла на меня глаза, из которых счастье так и выплескивалось.

– Правда? – задала я риторический вопрос. Я искренне разделяла ее радость, я так ее понимала – ведь я тоже была счастлива в любви... – Ну а ты? – И этот вопрос также был риторическим.

– А я... – она потупилась и через несколько секунд прошептала: – Я дала ему надежду... То есть, нет, не надежду, а обещание... что буду ждать... Ну вот... Ах нет, это еще не все...

– Можно угадаю? – весело воскликнула я. – Вы целовались?

По ее радостно-изумленным глазам я поняла, что попала в точку...

* * *

18 апреля (1 мая) 1904 года, утро. Штурм тюреченской позиции на реке Ялу, г. Ичжоу

Британский военный агент при армии генерала Куроки, рыцарь Британской Империи, генерал-лейтенант Ян Стэндиш Монтит Гамильтон

Всю пошло совсем не так, как нам обещали «доброжелатели» в русском штабе. Вместо того, чтобы отступить после нескольких ничего не значащих перестрелок, русские вцепились в свой берег реки бульдожьей хваткой. Самые ожесточенные бои происходили на склонах Тигрового холма (на русских картах обозначенного как Медвежья сопка), ведь без установления контроля над этим ключевым пунктом не было никакой возможности провести операцию по глубокому охвату русских оборонительных позиций. К тому же с вершины Тигрового холма наши позиции на низменном правом берегу реки Ялу просматривались на много миль вглубь, и нечего было даже и мечтать о какой-то скрытности, пока там сидят русские наблюдатели, в том числе и артиллеристы. Малейшее шевеление на наших позициях тут же вызывает на себя очередь русских шрапнелей.

Честь штурмовать Тигровый холм изначально была доверена гвардейской дивизии. В течение трех суток она по нескольку раз в день кидалась на штурмы и каждый раз откатывалась назад, обливаясь кровью и теряя лучших солдат и офицеров. Первоначально считалось, что Тигровый холм занимают лишь немногочисленные разведывательные подразделения русских, но когда гвардейцы первый раз пошли в атаку, выяснилось, что численность русского гарнизона этой высоты никак не меньше полка. К тому же для того, чтобы атаковать русские позиции на этом холме, японской гвардии требовалось предварительно пересечь несколько водных преград; и если через речные рукава шириной около двухсот-трехсот ярдов, отделяющие остров Киури от левого берега, были переброшены деревянные мостки на козлах, то главное русло реки Ялу требовалось пересекать на лодках. И все это на низменной открытой местности, как я уже говорил, просматриваемой русскими наблюдателями далеко вглубь.

Едва японская пехота начинала накапливаться на исходных позициях, как тут же, с обратного по отношению к нам склона Тигрового холма часто-часто принималась стрелять русская артиллерия. Пушки, расположенные на открытых позициях, оказались грубыми деревянными муляжами, на поражение которых японская артиллерия извела немало снарядов, а настоящие пушки были от нас скрыты, и из-за этого нанесли японским войскам просто огромный ущерб. Одним словом, когда японские войска, накопившись на исходных позициях на левом берегу реки Ялу, бегом бросались в атаку, над их головами тут же распускались белые цветы шрапнельных разрывов. Пробежав по мостам и низменному и открытому со всех сторон острову порядка двух миль и понеся при этом определенные потери от шрапнельного огня, японские солдаты оказывались перед быстро текущей водной преградой шириной в пятьсот ярдов и глубиной во все три. Это основное русло реки Ялу требовалось преодолеть на маленьких китайских рыбацких лодках, с учетом того, что выходящие на японский берег этой протоки попадали под частый и очень меткий ружейный обстрел русских с противоположного берега.

Как ни удивительно, но при всех этих сложностях японской пехоте несколько раз удавалось преодолеть все эти непреодолимые для простых смертных препятствия и, достигнув противоположного берега, броситься вверх по склону Тигрового холма с намерением растерзать засевших там русских пехотинцев. Но это у них не очень-то получалось, потому что русская артиллерия тут же умолкала и навстречу зеленой японской волне из окопов на склоне холма, блестя штыками, поднималась белая волна русской пехоты, и атака японской гвардии заканчивалась отчаянной рукопашной резней, в которой более массивные и мускулистые русские солдаты неизменно одерживали победу. Ну, а потом все начиналось сначала. Когда силы гвар-

дейской дивизии оказались на исходе, к атакам на Тигровый холм подключились части двенадцатой дивизии (которые, по предварительному плану, должны были осуществлять глубокий обход русских позиций), и даже части второй дивизии, которая последней подошла к рубежу реки и должна была атаковать вражеские позиции в центре.

Там, в центре, тоже все шло не так, как задумывалось. После нескольких ожесточенных схваток, зачастую переходящих в рукопашную, японским частям удалось сбить русских с их передовых позиций и очистить от них остров Самолиндза, на котором планировалось установить артиллерийские батареи, но дальше дело застопорилось. Во-первых – до острова, который насквозь просматривался не только с Тигрового холма, но и с высот на правом берегу Ялу, вполне долетали русские шрапнели, что делало работу японских артиллеристов крайне некомфортной. Во-вторых – как только японские пушки были размещены и открыли огонь по русским позициям (в том числе и по Тигровому холму), на их позиции время от времени стали прилетать снаряды неприятно крупного калибра, наносящие чудовищные разрушения. Русские пушки били редко, но метко и очень сильно, в результате чего японская артиллерия несла значительные потери и была почти лишена возможности вести огонь по позициям противника.

Через некоторое время выяснилось, что русские ввели в устье Ялу четыре древние, но еще вполне боеспособные канонерские лодки – они, стоя на якоре у деревни Самолиндза (там, где все речные рукава сливаются в единое русло) упражнялись в стрельбе по японским батареям. Тем не менее, давая один выстрел не чаще чем в раз в минуту, эти морские пушки с учетом веса снаряда представляли значительную угрозу. Попытка некоего отчаявшегося командира отогнать русские канонерки ружейным огнем через реку, ширина которой в этом месте составляла не менее трех четвертей мили, обернулась для японцев очередным конфузом. Оказалось, что помимо редко стреляющих пушек-монстров, каждая канонерка вооружена вполне дееспособными орудиями калибра девять фунтов (107-мм), а также револьверными полуторадюймовыми (37-мм) пушками, которые буквально устроили побоище вышедшим на противоположный берег двум японским пехотным батальонам. И это не считая установленных на тех же канонерках пулеметов Максима, которые тоже пренебрежительно проредили японские стрелковые цепи.

Дополнительно эта ситуация с артиллерией осложнялась тем, что закупленные японцами в Германии крупнокалиберные гаубицы Круппа, предназначенные для усиления 1-й армии Тамэмото Куроки, так и не прибыли к месту своего назначения, так как перевозивший их пароход был перехвачен одним из русских блокадных крейсеров. Теперь следовало ожидать, что спустя какое-то время эти грозные пушки обрушат свои снаряды уже на японские головы. А пока, имея на вооружении только легкие полевые пушки образца 1898 года, предназначенные исключительно для ведения настильного огня и к тому же лишённые противооткатных устройств, выкурить русскую пехоту из глубоких окопов, нарытых ею буквально за несколько дней, не представлялось возможным.

И только совсем недавно от офицера-перебежчика, сумевшего на утлой лодчонке под покровом темноты переправиться через Ялу под шквальным огнем русских стрелков, мы узнали страшную для нас новость. Смертельно раненый русской пулей, этот человек сообщил нам о том, что не только генерал Куропаткин был отстранен от командования всей Маньчжурской армией, но также от командования противостоящим нам Маньчжурским отрядом наследником русского престола принцем Майклом был отставлен вялый и безынициативный генерал Засулич. На этом посту его сменил храбрый до безумия и очень активный генерал Федор Келлер, который поклялся драться до последней капли крови последнего русского солдата. Кроме того, перед смертью перебежчик сообщил, что дьявольски хитрый план этого сражения придумали люди принца Майкла, а генерал Келлер только поклялся в том, что будет его неукоснительно придерживать. И что нам было делать в таком случае, когда все наличные силы у нас

уже были втянуты в сражение, перелома в ходе которого пока даже не просматривалось? Мы должны пытаться довести наш план до конца или прекратить атаки и попытаться понять, во что это для нас может вылиться. К несчастью, уже понесенные потери, растроченные боеприпасы, а также поврежденное и уничтоженное военное имущество не давали второму варианту никаких шансов на существование. Только безоговорочный успех и прорыв русских позиций могли бы позволить генералу Куроки оправдаться за уже понесенные потери.

* * *

18 апреля (1 мая) 1904 года, полдень. Тюреченская позиция на реке Ялу Полковник морской пехоты Александр Владимирович Новиков

Генерал Куроки не сразу понял, что здесь ему теперь не тут, и с достойным дятла упорством долбился в оборону шестой восточносибирской дивизии на Медвежьей сопке. И опять, как и в прошлый раз, два пехотных полка сдерживали атаки почти всей японской армии, но только на этот раз они сидели в глубоких окопах и щелях на почти неприступной высоте, и взамен выбывших по ранению или смерти солдат и офицеров в окопы регулярно поступало пополнение. Кроме всего прочего, на части, обороняющие Медвежью сопку, работала чуть ли не вся артиллерия Восточного отряда, ибо других целей считай что и не было. Этот Куроки заиклился на несчастной горушке, как подросток на предмете своей несчастной любви, и домогался ее любой ценой. Впрочем, попытки прощупать нашу оборону в центре позиции кончились для него весьма печально, поэтому он и не прекращал попытки сокрушить наш левый фланг и выйти на задуманный изначально обходной маневр.

Но обстановка менялась стремительно, хотя японцы об этом ничего не знали. Вчера перед полуднем к деревне Тензы начали подходить передовые батальоны 1-го восточносибирского корпуса под командованием генерал-лейтенанта Георгия Штакельберга, а уже к закату сосредоточение корпуса за правым флангом Восточного отряда было полностью завершено. Тридцать два батальона сибирских стрелков при поддержке двух стрелковых артиллерийских бригад (48 трехдюймовок) и одного тяжелого артполка (24 трофейные гаубицы Круппа), плюс моя бригада морской пехоты, которая в любой момент могла высадиться на левом берегу с миноносцев и катеров – это была более чем серьезная поддержка. Настолько серьезная, что она полностью изменила тактический расклад на Тюреченской позиции, ведь напротив изготовившегося к удару кулака на другом берегу Ялу у японцев имелись только два изрядно потрепанных батальона без артиллерии и пулеметов. Операция в стиле Великой Отечественной – с охватом открытого фланга противника и его дальнейшим полным окружением и уничтожением – напрашивалась тут сама собой.

Вечером, когда по дороге еще подтягивались последние артбатареи первого восточносибирского корпуса, на совещании с участием Великого князя Михаила, генерала Келлера, генерала Штакельберга, полковника Агапеева и вашего покорного слуги мною был предложен план глубокого охвата, окружения, разгрома и полного уничтожения армии Тамэмото Куроки. Чтобы не было его нигде и никак. Правда, генерал-лейтенант Штакельберг поначалу несколько усомнился в реалистичности моего плана, но Великий князь Михаил подтвердил, что «этот может» и приказал передать в мое распоряжение саперные и понтонные батальоны обоих корпусов. Кроме того, генералы хоть и были в возрасте за пятьдесят, но при этом оба были азартны и даже несколько безбашенны. При этом мне даже показалось, что Федор Эдуардович (Келлер) даже несколько обиделся, что все «веселье» придется на долю Штакельберга.

После того, как Великий князь сказал последнее веское слово, все завертелось в темпе вальса. Всю ночь во тьме стучали топоры, заглушаемые хриплым ревом орудий, ведущих методический обстрел японских позиций. А утром с первыми проблесками зари в устье Ялу вошли миноносцы, минные катера с броненосцев и крейсеров, а также малотоннажные вспомога-

ные суда, везущие к месту высадки первую волну десанта. Среди них, как мастодонт среди стаи мосек, выделялся «Николай Вилков», доставивший целый десантный батальон и сводный дивизион десантных пушек Барановского.

Первыми в берег ткнулись носами минные катера и миноносцы, с которых – кто на берег, а кто прямо в речные волны – стали спрыгивать ругающиеся вполголоса бойцы свежесформированной бригады морской пехоты. Командовал идущим в авангарде первым батальоном бригады ни кто иной, как капитан Антон Иванович Деникин. Японцы, в предутренний час застигнутые врасплох, сопротивление десанту оказали слабое и беспорядочное, большая их часть была без единого выстрела заколота штыками в тот момент, когда они, едва продрав глаза, еще не успели схватиться за оружие. Таким образом, захват плацдарма напротив Саходзы остался для японского командования незамеченным, а к берегу уже подходил «Николай Вилков», имеющий на борту второй батальон, усиленный артиллерией.

К тому времени ночной мрак почти рассеялся, и когда после завершения разгрузки БДК осторожно, задним ходом, отполз на стрежень реки, приказ получили уже саперно-понтонные команды, за ночь вытянувшие вдоль правого берега три нитки понтонных мостов. Тоже, однако, технология, отработанная в Великую Отечественную войну, когда наплавной понтонный мост строится вдоль берега, а потом течение само разворачивает мост поперек реки, так что остается только закрепить канаты за вбитые в берег колья. И быстро, и весьма сердито. И почти сразу по этим мостам на захваченный морской пехотой плацдарм густо пошли ошетилившиеся штыками батальоны сибирских стрелков. Генерал Штакельберг в порядке некоторого обалдения наблюдал за происходящим с вершины небольшого пригорка. С ходу форсировав реку, первый восточносибирский корпус продвинулся еще на восемь верст и, перерезав ведущую к Сеулу дорогу, вышел в район расположения тыловых подразделений армии Куроки. Сражение при Тюречене вступило в свою завершающую фазу. Японская группировка была обречена, а ее сопротивление бессмысленно.

* * *

20 апреля 1904 года, утро по местному времени. острова Эллиота, БДК «Николай Вилков»

Кандидат технических наук Позников Виктор Никонович, 31 год

Увлеченный своей личной жизнью, я как-то даже особо и не вникал в то, что происходит вокруг меня. Интересно устроен человек – если он одинок и не очень счастлив, то он начинает слишком часто задумываться о судьбе мира и в некоторых случаях даже пытается принять в этой судьбе некоторое участие (конечно же, ориентируясь на собственные, а значит, единственно правильные убеждения). Но когда рядом есть тот, кому нравится проводить с тобой время, кто смотрит на тебя восхищенными глазами и слушает открыв рот, и при этом он противоположного пола и приятной наружности – то тут судьбы мира автоматически отходят на второй план. Со мной происходят просто удивительные перемены – мне кажется, будто за спиной выросли крылья, что поднимают меня над мелкой повседневной суетой. Надо же, какие поэтические образы возникают в моем мозгу! Алла меня так не вдохновляла. Когда я был увлечен ею, мной владели так называемые «низменные инстинкты», за которые мне сейчас даже немного стыдно. Разве меня интересовала ее душа, ее внутренний мир? А ее? Нет, в том, что мы с ней сблизилась, играло роль нечто совсем другое... Не исключаю возможности, что мы с Аллой все-таки могли оказаться в одной постели, но понимаю теперь, что это была бы убогая пародия на отношения, которых бы мне хотелось на самом деле.

Это только познакомившись с Машей, впервые в жизни я узнал, что все может быть по-другому, по-настоящему. Мне открылся изумительный мир, в котором женщина была в меня не на шутку влюблена. В меня! Я никогда не верил, что подобное может когда-нибудь про-

изойти. Я и вправду был о себе не самого лесного мнения. «Заниженная самооценка», – сказал бы мозгоправ-психотерапевт. И вот теперь все мои комплексы слетели с меня, словно высохшая шелуха, и мир засиял новыми красками – яркими и сияющими. Мир, который мне совсем не хотелось переделывать... В котором мне нравилось все. Точнее, нравилось то, что стало происходить в нем с того момента, как мы здесь оказались.

Случилось так, что вчера вечером я случайно столкнулся нос к носу с товарищем Одинцовым. Обычно я старался избегать таких встреч, но в этот раз мне это не удалось... Что же мне оставалось делать? Только, пригнув голову и спрятав взгляд, пройти мимо него, стараясь сделать вид, будто меня здесь вовсе нет. Но, черт подери, почему-то этот человек всегда вызывал во мне неосознанное желание посмотреть ему в глаза... В эти холодные и суровые, словно два пистолетных дула, глаза – для того лишь, чтобы, млея от ужаса, вспомнить о своем приговоре... И в этот раз я также не смог удержаться. Но, странное, дело, на этот раз его глаза были вполне человеческими, хоть и глянувшими на меня с величайшим презрением. И через секунду, уже когда я проскользнул мимо, я понял, в чем дело – Одинцов в этот момент испытывал радость, ее самую острую стадию. Казалось, его лицо светится, распространяя вокруг флюиды счастья.

Отчего-то я потом не переставая думал об этом его выражении лица. Что же могло его так обрадовать? Наверняка Одинцов получил не просто хорошие вести, а исключительно хорошие. Никто, конечно же, не считал нужным отчитываться передо мной в том, что происходило у них там, на военно-государственной уровне, но новости настигали меня обычно вовремя и были абсолютно точны. И все благодаря моей Маше... Каждый вечер мы с ней встречались и обсуждали все на свете – от происходящих событий до философских изречений. Обсуждали, порой споря друг с другом горячо и эмоционально; и это было не столько в силу разногласий, сколько в силу наших бурных темпераментов, что вдруг пробудились от спячки... О да, я хорошо видел, как изменились мы оба за эти две с половиной недели.

Но на этот раз ничего подобного не понадобилось, потому что уже через четверть часа об этом говорили буквально все. Сражение на реке Ялу в нашем прошлом позорно проигранное русской армией, на этот раз было блестяще выиграно. Японские войска попали в окружение, генерал Куроки сделал харакири, а британские советники сдались в плен. Это было краткое изложение случившихся событий, но я не стал никого расспрашивать, находясь в полной уверенности в том, что уже скоро получу на свою голову полную версию, с комментариями и дополнениями. Если что, я о моей Маше...

Итак, вечером Маша – возбужденная и раздурманенная от распивавших ее дивных известий – взхлеб делилась со мной последними новостями. Наши, говорила она, опять сделали япошек! Побили их как боженька черепаху – теперь уже и на суше. Командовал, мол, сражением сам наследник-цесаревич Великий князь Михаил Александрович, а генералы за ним только карты и подзорную трубу таскали. Маша у меня хоть и либералка (умеренная), но ярая патриотка (иные в школу для взрослых работать не идут) и хоть раньше она не отличалась монархическими заскоками, но теперь в ее голосе зазвучали совсем иные нотки. Она так увлеченно рассказывала, перемежая рассказ своими комментариями, что ее настроение передалось и мне.

Впрочем, дело, пожалуй, было не в этом, а в том, что и я тоже ощущал радость, гордость, воодушевление и уверенность в нашем могуществе, а также в прекрасном будущем Российской империи. Ведь в отличие от Маши мне был известен и, так сказать, исходный вариант этих событий. Вот так волчара Одинцов! Молодчик, однако. И майор Новиков тоже не подкачал. Оказался вместе со своими головорезами в нужном месте в нужное время и превратил победу в триумф. А я-то считал его тупым солдафоном, которого не интересует ничего, кроме зеркально начищенных сапог.

Я ведь не мог не понимать, что мало было оказаться в этом времени со всей мощью двадцать первого столетия. Малейшая промашка – и все полетит коту под хвост... А промашка выйдет непременно – так я думал в самом начале в силу свойственного мне скептицизма по отношению к этой «кровавой гэбне», и даже после самой первой победы это убеждение еще продолжало сидеть во мне, правда, уже не так прочно. Я, по правде говоря, боялся радоваться успехам наших. Уж слишком гладко все шло... Ну да, мне очень хотелось верить, что ЭТА Рашка стараниями нас, посланных сюда провидением, не будет стоять на коленях, как получилось в НАШЕЙ истории. Я даже принимался мечтать, и большие планы и перспективы заполняли мой разум... Но неизменно в звоне фанфар мне слышался тонкий и назойливый голос страха – он пытался посеять сомнения в моем разуме...

Но вот теперь, кажется, этот голос окончательно пропал. Ретировался с позором, так как его мрачные пророчества не оправдались... Вообще окончательно исчез как раз в тот момент, когда я увидел лицо Одинцова. Так-то вот... И я сидел рядом с Машенькой, и пил чай с карамелью, и слушал ее, и любовался ее вдохновенным лицом... И лишь иногда я вставлял свои комментарии, стараясь выразиться не очень крепко.

– Виктор Никонович, вы можете представить, что теперь будет? – радостно-взволнованно вопрошала моя ненаглядная. – Ведь это означает полную победу России в этой войне и несомненное торжество над всеми ее недругами.

– Ну да, – с серьезным выражением лица кивал я, – теперь для полного и несомненного торжества осталось уделать еще и Великобританию... Ну а потом и всю Европу по списку, включая и заокеанские Соединенные штаты. Ведь, с одной стороны, все эти западные европейцы не могут спать спокойно, пока по утрам на них падает тень от кремлевских башен, а с другой стороны, НАШИ – вроде Одинцова, Новикова, Иванова и иже с ними – не успокоятся, пока от Европы не перестанет исходить угроза большой войны с Россией. Четверть века назад Берлинский конгресс показал, как быстро европейцы могут спеться между собой, как только почувют угрозу качественному усилению России. Сейчас точно такой же случай. Господин Одинцов считает, что как только мы забьем Японию до того состояния, когда она больше не сможет держаться на ринге, как тут же к умирающей набегут спасатели и реаниматоры... Сказать честно, я придерживаюсь того же предположения. В двадцатом веке Россия вступит в полосу тяжелых войн, и сражения этой войны с Японией – это только самое начало... – От избытка чувств я даже сжал кулаки в жесте, похожем на «Йес!» и воскликнул: – Но все равно, Мария Петровна, с таким начальным капиталом все идет к тому, что эта Россия будет совсем не той, к которой я привык там, у нас... Возможно, будет тяжело, но с каждым испытанием Россия будет становиться все сильнее и сильнее.

После этих моих слов Машины глаза зажглись лукавым любопытством.

– А какой была ТА Россия? – спросила она, – Расскажите, Виктор Никонович...

– Ну, она была... – И тут словно стопор какой-то на меня нашел. Я хотел было сказать: «Нищей, запуганной, бестолковой, слабой, продажной, неприбранной, глупой», но вместо этого, чуть помолчав, сказал: – просто другой. Мне в ней многое не нравилось, и я совсем не ценил и не любил ее. Наверное, это зря, потому что в двадцатом веке на ее долю выпали нелегкие испытания. Величайшее чудо двадцатого века в том, что Россия вообще сохранилась, а не распалась в прах на множество мелких, скандалящих между собой государств, как это случилось с Австро-Венгрией. Но теперь так уже не будет. – Я опять помолчал и вдруг, подобно озарению свыше, мой разум осветила мысль, которую я и озвучил: – Но и ТА Россия была не так уж плоха, как мне казалось тогда. Уж если она выкормила и воспитала таких людей, как Одинцов, значит, и там все было не так безнадежно, как мне казалось. Раньше я предвзято судил о таких, как Одинцов, считая их тупыми исполнителями чужой воли. Но сейчас... Благодаря ему, его воле, уму, политической изворотливости и готовности взяться за это дело история свернула на новый непроторенный путь и понеслась по нему как птица-тройка по снежной

целине. Сейчас мне хочется верить, что когда-нибудь и она, ТА Россия, воспрянет из нищеты и убожества... Почему-то сейчас я в это особенно верю.

Маша смотрела на меня как-то странно, и я испугался, что мои слова о том, что я не любил СВОЮ Россию, испортили ее впечатление обо мне. Но они уже слетели с языка – и вернуть их было нельзя. Зато я был честным с ней. Уж что-что, а лицемером я не был никогда. Собственно, мы с ней никогда не говорили о том, что в обществе «наших» я являюсь изгоем. Но наверняка ей было кое-что известно... Впрочем, она была из тех, кто привык составлять мнение о людях, только пообщавшись с ними лично. Педагог, как-никак... И теперь, когда я и сам признал, что я вовсе не белый и пушистый, она меня либо отвергнет, либо простит и примет таким, какой я есть.

– Виктор Никонович... – осторожно начала она, правильно истолковав мой напряженный взгляд, – это хорошо, что вы так откровенны со мной и не пытаетесь представить себя лучше, чем есть на самом деле. Я очень ценю это, знайте. Мне нет дела до ваших прошлых убеждений. Отныне ЭТА Россия – ваше отечество. Некто свыше дал вам шанс переписать историю набело. Но он также предоставил возможность и измениться самим – и нам, и вам, ну, вы понимаете, что я имею в виду. Я думаю, что вы сами очень изменились с тех пор, как оказались здесь – вы же и сами это отмечаете. Просто, наверное, стоит чаще задумываться о воле провидения, которое еще называют Богом. Знаете, я не особо верующая, но признаю некий высший промысел. И придерживаюсь веры в то, что у всего есть свой смысл. Вот даже то, что мы с вами познакомились, было предопределено Высшей силой. Вам так не кажется?

– Ээ... – я поправил очки, – конечно, кажется. Знаете, Мария Петровна, я тоже с некоторых пор стал задумываться о таких вещах. И согласен с вами, что все произошедшее – это шанс. Мне только поначалу была непонятна моя собственная роль в этом. Но теперь я начинаю понемногу это постигать... Знаете, такие, как я, существовали во все эпохи. Недовольные и протестующие. Нет, не злые, просто ищущие легкой жизни, и оттого критикующие все окружающее их. Даже не пытаюсь приложить реальные усилия для изменения не устраивающей их ситуации, они предпочитали жаловаться на обстоятельства и в первую очередь на государство, считая, что они им чего-то недодало, не обеспечило, и вообще занимается какой-то ерундой, вроде усиления обороны и развития промышленности, вместо повышения их, то есть нашего, жизненного уровня.

Из-за этого такие, как они, люди прогрессивных убеждений начинают раскачивать государственные устои, агитировать и митинговать, рассчитывая, что после того, как так нелюбимое ими государство падет, сразу наступит всеобщее благоденствие и истинная свобода, равенство, братство. Ан нет, либо государство очухивается и, включив режим: «тихо, идет реакция», прижимает недовольных к ногтю, либо государство таки рушится, но под своими обломками погребает и своих Геростратов. А потом люди, по сравнению с которыми кровавые сатрапы предыдущего режима выглядят как записные толстовцы, из обломков предыдущего создают новое государство, скрепляя его потоками крови своих последователей и врагов. И все начинается сначала, только государство, повергнутое такому кровавому зигзагу, начинает отставать от своих соседей по уровню жизни и количеству населения, развитию промышленности и силе армии. Недаром же Маркс или Энгельс (не помню, кто из этих двоих) как-то сказал, что коммунистическая теория создана и теперь нужно ее проверить, а для того требуется найти государство и народ, которые не жалко... Так вот, господин Одинцов решил пойти другим путем и я его в этом всемерно поддерживаю.

– А я поддерживаю вас... – прошептала Маша, прижав руки к груди и нежно глядя на меня. – Вы замечательный человек, Виктор Никонович, кто бы там чего ни говорил. Я уверена, что вы принесете еще немало пользы своему теперешнему Отечеству...

* * *

22 апреля 1904 года, около 10:00. Царское Село, Александровский дворец, одна из гостиных

Капитан первого ранга Иванов Михаил Васильевич

Известие о «великой победе на реке Ялу» (в газетах было написано именно так) вызвало к жизни тень прежнего Николая II, тщеславного типа, для которого главным было, чтобы в такие моменты славы его «не заслоняли». Но без внешней подпитки со стороны ныне покойной супруги этот призрак быстро сдулся, оставив вместо себя усталого, рано постаревшего мужчину тридцати шести лет от роду, что, однако, было значительно лучше, чем тот зомби, который еще пару недель назад бесцельно бродил по Александровскому дворцу. К этому Николаю вернулся интерес к жизни, но не вернулось желание царствовать любой ценой, даже несмотря на то, что он сам понимал, что не способен делать это так хорошо, как делали его предки. Теперь он, напротив, искал моральных оправданий для собственной прижизненной отставки, и тема эта была для него болезненно-притягательной, как для некоторых людей, которым нравятся раздирать свои поджившие раны.

– В России, – рассуждал он во время нашей встречи пару дней назад, – до меня было пять царей-неудачников: Федор Борисович Годунов, Федор Алексеевич Романов, Петр Второй, Петр Третий, Павел Первый, и вот теперь, после этой блестящей череды – я, несчастный...

– Не знаю, – пожал я тогда плечами, – кто-то из перечисленных был истинным неудачником, а кто-то – жертвой внешних обстоятельств. Сложно сказать, что было бы, удержишься у власти Федор Годунов или не умри от оспы малолетний император Петр Второй. Вон, ваш папа тоже не собирался царствовать, но внезапная смерть старшего брата преподнесла ему и невесту, и карьеру будущего царя-миротворца. Могу вам сказать только то, что каждый из вас, государей, находится на своем месте и сам отвечает за свои поступки перед Историей, Всевышним и собственным народом.

– Говоря об ответственности перед народом, – кусая губы, произнес Николай, – вы имеете в виду этот самую вашу Ганину яму?

– Ганина яма, – ответил я, – это только крайний случай. Экссесс исполнителя, так сказать. Ответственность перед народом наступила полутора годами ранее, когда никто не встал на защиту вашей рушащейся власти. Всем тогда показалось, что без царя жить им будет лучше и веселее. И кстати, не верьте разного рода либералам и буржуазным демократам в том, что они белые и пушистые, и если придут к власти, то не обидят даже мухи. Черта с два! Именно эти либеральные и демократические деятели сперва иницируют в армии и на флоте резню промонархически настроенных офицеров, а потом будут требовать крови вас и вашей семьи.

– Да я им уже и так не верю, – слабо улыбнулся император, – хотя за ваше предупреждение спасибо. Впрочем, я еще подумаю над вопросом, как говорит ваш господин Мартынов, чтобы и с елки спрыгнуть, и не оцарапаться. Мои дочери – это все, что у меня осталось, и я не хочу, чтобы в ходе передачи власти или после этого им был бы причинен хоть какой-нибудь вред. Поэтому, хоть дело о передаче власти мною, можно сказать, решенное, вопрос о преемнике и том способе, которым эта власть будет передана, для меня остается первоочередным. Так что можете передать моей маман, которая как я знаю, регулярно беседует с вами по поводу моего душевного состояния, что раньше времени с трона я не спрыгну, пусть не волнуется. – Немного помолчав, Николай спросил: – Скажите, господин Иванов, а можно ли хоть как-то узнать, какая из моих девочек является носительницей этой ужасной болезни, а какая нет? Ведь если уж господь не дал мне сына, я бы желал увидеть внуков. При этом я хочу, чтобы они были сильными и здоровыми, и чтобы тот кошмар, что описан в моих дневниках, не повторился на одно поколение позже.

– Не знаю, – пожал я плечами, – я не врач, но подозреваю, что в условиях начала двадцатого века никак. Даже в наше время это была не самая простая и дешевая операция, требующая специального оборудования и квалифицированных специалистов... Впрочем, в самое ближайшее время в Петербург для того, чтобы двинуть вперед научный прогресс, придет команда наших специалистов – врачей, инженеров, математиков и прочих. Старший по медицинской части там Лев Борисович Шкловский – одновременно полковник медицинской службы и профессор медицины. Он, разумеется, не узкий специалист-генетик, но данным вопросом владеет в многократно большем объеме, чем я. Проконсультируйтесь с ним и примите его слова как истину в последней инстанции. Лучше него этим вопросом не владеет здесь никто.

– Да уж, господин Иванов, – покачал головой Николай, – умеете вы воодушевить. Что же, я подожду приезда этого вашего профессора Шкловского, и пусть знает, что у меня значительное личное состояние, и в случае необходимости я оплачу расходы по исследованиям в данном направлении...

«Давно бы так, – подумал я тогда, – а то на дворцы, пьянки и гулянки, у русских царей деньги находились, а вот на науку нет. В кои-то веки все будет наоборот.»

И вот сегодня, когда все окончательно было подсчитано и колонны японских пленных унылыми вереницами код конвоем казаков потянулись по дороге на Фынхуанчен под гром оружейных салютов и победные звуки фанфар, Николай вернулся к разговору о преемнике. Он заявился в гостиную со свернутым в рулончик номером «Русского Инвалида», где на развороте была большая статья о Тюреченском сражении, подписанная военным корреспондентом Петром Красновым¹⁰, которая в превосходных тонах расписывала все перипетии битвы на реке Ялу.

Будущий изменник Родины и враг народа аж слюнями брызгал от восторга, расписывая, как русские чудо-богатыри побили желтомордых макак. Даже в этом восторге русской победой было что-то такое гаденькое и не наше, какая гниlostная червоточина, говорящая о том, что слово «русский народ» для этого человека пустой звук, и как только это станет выгодно, он предаст этот народ без колебаний и сожалений¹¹. Впрочем, хватит о Краснове. Если его там не опознал и не пристрелил Новиков или кто-нибудь из наших, то, значит, так тому и быть. Пока. Насколько я знаю Павла Павловича, однажды он вернется к этому вопросу и окончательно унасекомит всех замаравших себя предательством России, какими бы мотивами они при этом ни руководствовались.

Что касается битвы на Ялу, то, как я понял, полковник Новиков, продвигавший свои идеи через Великого князя Михаила, устроил там японцам нечто вроде Сталинграда-лайт. И сражение продолжалось всего несколько дней, и войск с обеих сторон было задействовано на порядок меньше, но эффект, как и настоящего Сталинграда, получился просто оглушительным. Ну не привыкли еще в эти времена к таким сильным ощущениям, когда противник моментально теряет целую армию. У Цинампо было совсем другое – там русский флот застал японские войска погруженным на пароходы, а в таком случае катастрофические потери неизбежны. И то по разным оценкам от десяти до пятнадцати тысяч сумели выплыть и выбраться на близкий берег. А в битве под Тюреченом из японцев не спасся почти никто. Из тридцати пяти тысяч десять мертвы, остальные в плену. При этом там потерпели поражение не только японцы; вдребезги разгромленными оказались британские и германские советники японцев. Они не

---

¹⁰ В 1901 году Петр Краснов командирован военным министром на Дальний Восток для изучения быта Маньчжурии, Китая, Японии и Индии. Во время боксёрского восстания в Китае и русско-японской войны – военный корреспондент. Сотрудничал в журналах «Русский Инвалид», «Разведчик», «Вестник русской конницы» и многих других. Упомянут в дневнике Николая II за 3 января 1905 года «...Приняли атамана Краснова, кот. приехал из Маньчжурии; он рассказывал нам много интересного о войне. В «Рус. инвалиде» он пишет статьи о ней.»

¹¹ Возможно, что реальный Петр Краснов весной 1904 года еще не был таким мерзким и отвратительным типом, но каперанг Иванов смотрит на него сквозь призму послезнания, а та окрашивает все слова и поступки этого человека в черно-коричневый цвет ожидаемой в будущем измены.

смогли разгадать ни одного предложенного Новиковым тактического хода и слепо исполняли свои планы, составленные против Засулича, а когда поняли, что против них играют совсем на другом уровне и совсем не те люди, просто растерялись. Впрочем, Николай победу воспринял как должное, как выполненное обещание победить Японию на суше и на море. Его интересовал другой вопрос.

– Скажите, господин Иванов, – спросил он меня, – как это было возможно – наносить удар корпусом, который только что совершил длительный пеший переход от Ляоляна? Ведь наверняка люди просто устали и хотели отдыха, а не наступления на врага.

– Тут ответ простой, – сказал я. – Наш русский человек очень отзывчив и все понимает. Стоило вашему брату выйти перед строем и сказать: «Братцы, я понимаю, что вы устали, но поймите, что надо совершить последнее усилие, ударить сейчас – и тогда будет победа. А иначе пронюхают япошки, что вы здесь – и вот тогда не оберешься беды, подтянут солдат, нарыют окопов, и мы все умоемся кровью.» И стоит так сказать, как люди забывают об усталости, саперы всю ночь машут топорами, наводя переправы, а стрелки на рассвете форсируют реку и вступают в бой с врагом. Но слишком часто так делать тоже нельзя, да и после боя людям надо давать возможность двойного или тройного отдыха.

– Это понятно, – сказал Николай, – на самом деле я хотел бы поговорить с вами о своем брате. Если он так популярен в войсках, так, может быть, трон лучше оставить ему, а не Ольге?

– Михаил, – сказал я, – абсолютно не приспособлен к самостоятельному существованию. Ему непременно нужен командир, который поставит задачу и задаст граничные условия ее выполнения, а также высший авторитет, на который в случае чего можно будет сослаться. Он не желает становиться царем исключительно потому, что боится подпасть под чужое влияние, когда советник пересекает некоторую невидимую грань и становится кукловодом. Ольга – это совсем другое дело; она выслушает все мнения, но сделает все так, как считает нужным. Стань она императрицей, над ней будет только Бог и больше никого, а если кто-то попытается ею манипулировать, то узнает, какова государыня в гневе.

– Да уж, – сказал Николай, – упрямства Ольге не занимать... Ну ладно, пусть будет по-вашему...

Немного помолчав, он с легкой иронией добавил:

– Тем более что война, как и запланировано господином Одинцовым, семимильными шагами идет к победоносному концу.

* * *

24 апреля 1904 года, полдень по местному времени. Острова Эллиота, пароход «Принцесса Солнца»

Дарья Михайловна Спиридонова (почти Одинцова), 32 года

Сегодня был особенный день, и даже погода, казалось, знала об этом. По ясному небу бежали редкие облачка, дул приятный ветерок, и солнце грело по-весеннему нежно. Сегодня бригада морской пехоты, детище нашего счастливого влюбленного полковника Новикова, возвращалась в пункт постоянной дислокации с места сражения под Тюреченом. Не знаю почему, но дернуло меня сходить навестить Ольгу. Волнуется, наверное, бедняжка, в ожидании своего героя...

Подходя к ее каюте, я вдруг услышала чарующие звуки, доносящиеся из-за двери. Играла скрипка... Я замедлила шаг и буквально на цыпочках подошла к Ольгиной каюте, не переставая вслушиваться. Не могу сказать, чтобы я была поклонницей такого рода музыки, но эти звуки меня заворожили. Может быть, все дело было в том, что теперь я очень хорошо знала Ольгу, и в этих звуках мне слышалось все то, что было у нее на душе. Да-да – без слов эта

музыка рассказывала о многом, но понятно это могло быть только посвященным... А как раз таковой я и являлась.

Я тактично дослушала этюд до конца, и только когда настала пауза, постучала. Она открыла мне тут же. Она улыбалась и пребывала в радостном волнении.

– Милая Даша! – воскликнула она, слегка меня приобнимая, – как я рада, что ты пришла...

Вот не люблю эти телячьи нежности между женщинами, но Ольгины порывы меня почему-то не раздражают.

– Проходи, – продолжала щебетать Ольга, пропуская меня внутрь каюты. – А я вот тут... музицирую. Чтоб хоть немножко нервы унять. А то как-то беспокоюно мне с утра, ну ты же знаешь почему; все думаю, как встречу его... Что скажу... Как он на меня посмотрит... Ну, это радостное волнение, конечно, а все ж... Как-то так щекочет в глубине души, и будто руки мои дрожать начинают... А вот взяла смычок – и все прошло.

Потом она тихонько засмеялась и добавила:

– Но все это может начаться опять, если я останусь в одиночестве...

– Не останешься, Ольга, – заверила я ее. – Я вот как раз для этого и пришла к тебе – помедитировать, так сказать. Ну, то есть оказать на твою эмоциональную натуру умиротворяющее воздействие своим дружеским присутствием.

– Правда, Даша? – радостно воскликнула Ольга. – Ах, ты такая душечка! Но ты проходи и садись, не стесняйся...

– Очень красивая музыка, – совершенно искренне похвалила я ее, присев в кресло, – и ты хорошо, вдохновенно так играешь, по крайней мере, на мой дилетантский взгляд.

– Да, когда я играю, то уношусь в какой-то сказочный мир... – мечтательно ответила Ольга, заводя глаза вверх, – от этих звуков, которые издает скрипка, меня охватывает просто неземное счастье...

Впрочем, она тут же вернулась на грешную землю, и, глядя мне в лицо, немного грустно, с плаксинкой в голосе, произнесла:

– О милая Даша! Ведь я начала утро с того, что села перед зеркалом. – Ольга кивнула в сторону большого трельяжа, в котором она могла рассмотреть себя с ног до головы. – Знаешь, я, пожалуй, впервые так придирчиво себя рассматривала. И... и знаешь, Даша, я не нравлюсь себе... – Уголки ее губ опустились, и на меня взглянули глаза, полные вселенской грусти. Прекрасные, между прочим, глаза, которые являются ее бесспорным достоинством – глядя в них, уде не замечаешь остального.

– Так-так... – с нажимом произнесла я, – с этого момента, дорогая Ольга, пожалуйста, поподробнее. Что же именно тебе в себе не нравится?

– Все! – воскликнула она. – Эта серая кожа, этот маленький нос, широкие скулы... Ах, Даша, как грустно осознавать, что я некрасива! Наверное, Новиков полюбил меня исключительно за мою душу... – Она горестно вздохнула.

– Э, голубушка, послушай-ка меня... – Я взяла ее за руки и посмотрела строгим взглядом наставницы, – некрасивых женщин не бывает, бывают ленивые. Так сказала сама Коко Шанель.

– Что за Коко? – поморщилась Ольга.

– Одна француженка, у вас пока неизвестная. Вы с ней почти ровесницы. Тебе двадцать два года, а ей двадцать один. Ее имя прогремит лет через десять, и женщины будут буквально молиться на нее. Икона стиля, так сказать. Модная одежда, шляпки, духи и прочая парфюмерия... Потом как-нибудь расскажу подробнее. Главное, что она была права, потому что вообще очень хорошо разбиралась в таких вещах. А как сказал еще один умный человек: «Если у вас что-то не получается, то обратитесь, наконец, к специалисту.»

– Хм... – Ольга скептически пожала плечами. – И что же она имела в виду, эта самая Коко? Что-то я не постигаю смысла ее изречения...

– Ты когда-нибудь слышала о декоративной косметике? – спросила я.

– Нет.

– Тогда подожди. – Я встала и направилась к двери. – Я быстро.

Я забежала к себе и, схватив косметичку со своим арсеналом, кинулась обратно.

Когда я стала раскладывать свое не особо богатое хозяйство на столике, Ольга, с изумлением взглянув на все это, произнесла:

– Даша... Ведь этим обычно пользуются кокетки...

– Я что, кокетка, по-твоему? – спросила я, притворно нахмурившись (на самом деле мне хотелось расхохотаться).

– Нет-нет, что ты! – поспешила она заверить. – Но вот это...

– Это и есть декоративная косметика – то, что должна иметь каждая уважающая себя женщина, – авторитетно заявила я, – пользоваться этой косметикой тоже можно по-разному. Можно намазаться густо, как индеец на тропе войны (что и делают кокетки), а можно, имея чувство меры, превратить дурнушку в симпатичную женщину, а просто симпатичную в настоящую красавицу... А ты у нас совсем не дурнушка, просто у тебя немного экзотический тип внешности.

Несколько минут Ольга ошарашено молчала, разглядывая мою нехитрую косметику – тоник, пудра, тональный крем, румяна, тушь, помада, карандаш и коробочка с тенями. Я наблюдала за ней не без удовольствия.

– Даша, ты хочешь сказать, что и вправду этим пользуешься? – осторожно спросила она наконец, хлопая ресницами.

– Ну конечно же, Ольга! – подтвердила я. – Я этим пользуюсь каждый день.

Теперь она принялась внимательно разглядывать мое лицо.

– Непохоже... – пробормотала она, – а хотя... да, теперь вижу...

– Ну вот и славно! – похвалила я Великую княгиню. – Видишь ли, как я тебе уже говорила, чтобы не стать похожей на кокетку, нужно просто знать меру. На самом деле косметика призвана подчеркивать достоинства и отвлекать внимание от недостатков.

– Да? – произнесла она задумчиво; похоже, ее мнение стало меняться. Она смотрела то на мой косметический арсенал, то на мое лицо.

– Ну конечно же! – я задорно подмигнула Ольге и взялась за тюбик с «тоналкой», – Правильно нанесенный макияж усиливает женский шарм, и при этом не очень заметен на лице. Что, попробуем? Сразим твоего рыцаря наповал?

– Хорошо, попробуем... – Ольга решительно потрянула головой и я принялась за дело.

Я сделала ей макияж в стиле «смоки айз» – подходящий как раз тем, кто не привык выглядеть броско и ярко. По правде говоря, ранее мне не приходилось красить кого-либо. Но тут я призвала все свое умение и вдохновение, старание и вкус. И произошло настоящее чудо. После всех манипуляций из Великой княгини получилась загадочная романтическая красавица. Поворачивая ее голову то в одну сторону, то в другую, я любовалась на результат своих усилий. При этом и вправду никто не нашел бы на ее лице явные следы макияжа. Оно просто неуловимо преобразилось. Зрительно лицо Ольги стало уже, а в глазах, плюс ко всему прекрасному, что в них и так имелось, добавилась некая загадка... Они стали еще глубже и выразительней, и мне было совершенно очевидно, что эти глаза теперь способны свести с ума кого угодно. Кроме того, я с большим удовольствием поменяла ее прическу. Не обладая особыми парикмахерскими навыками, я просто распустила ее волосы и затем, слегка подначесав, скрутила на ее затылке обычную классическую «улитку». Так ее лицо стало казаться еще уже и аристократичней. Теперь это была какая-то совсем другая Ольга...

Закрыв ей ладонью глаза, я подвела ее к зеркалу.

– Тадам! – произнесла я и убрала руку с ее глаз. О, наблюдать за ее реакцией было истинным удовольствием. Впрочем, все смотрели передачу «Модный приговор», потому не буду

расписывать всю гамму ее эмоций. Она то приближала лицо к зеркалу, то отстранялась, и на ее губах застыло невысказанное «Ах!».

– Это просто волшебство... – наконец прошептала она. – Это я, но как бы и не совсем... Поразительно... Но мне нравится, Даша... очень, очень нравится... – И она подняла на меня глаза, от избытка чувств наполнившиеся влагой.

И вот час спустя мы с Ольгой стоим на солнечной палубе и встречаем наших героев. Наш старый добрый «Николай Вилков» в окружении миноносцев и канонерок, выглядел как дядя Степа в окружении толпы первоклассников. Тем временем преобразование Ольги заметили все, а мой Одинцов даже незаметно показал мне большой палец. Мол, так держать, хорошо сделано. Я его понимаю. Когда Ольга станет императрицей, она не должна выглядеть как деревенская простушка. Конечно, в силу воспитания люди не позволяли себе долго пялиться на Ольгу, но все же то и дело невольно задерживали взгляд на ее лице. Удивительно – теперь, с новой прической, она казалась выше и стройней. Сейчас она внушала не только благоговение, но и восхищение. Даже старающийся казаться невозмутимым Великий князь Александр Михайлович все время косил глазами в ее сторону с риском вывихнуть глазные яблоки и заработать косолазие. Интересно, что никто не мог понять, в чем дело. Ну не в новой же прическе...

Катер подошел к трапу. Мускулистый и подтянутый Новиков ракетой взлетел вверх, даже не касаясь ступенек ногами. Кажется, первым его порывом было заключить Ольгу в свои объятия, но он вовремя одумался и наклонился для того, чтобы по местному обычаю поцеловать даме ручку. Но в этот момент Ольга сама вдруг крепко обняла своего долгожданного героя и принялась что-то горячо шептать ему на ухо. В мою голову пришла мысль – не слишком ли смело они себя ведут? Оглядевшись вокруг, я убедилась, что никто не обращает на эту пару внимания. Люди очень тактично старались не смотреть в их сторону... Может же быть у Великой княгини и будущей императрицы хотя бы пять минут счастья!

* * *

Тогда же и там же. Великая Княгиня Ольга Александровна Романова, 22 года

Я часто убеждалась, что когда какое-то время не видишь человека, потом, при встрече, он кажется немного другим. В нем замечаешь то, на что ты раньше не обращала внимания – какие-то мелкие детали, которые словно бы обрели вдруг дополнительную четкость. Интересно, что все это касалось исключительно тех людей, которые были мне дороги.

И вот сейчас, когда Александр Владимирович в одно мгновение оказался рядом со мной, я заметила, что у него густые ресницы... что на его левой брови есть маленький шрам, а на виске – родинка... Что его карие глаза имеют золотисто-зеленые вкрапления, а волосы его совсем не темно-русые, как мне казалось прежде, а каштановые...

Он вернулся, он жив и даже не ранен. Он вернулся с блестящей победой, в ореоле славы и к тому же со щитом, а не на щите! Мне тут тихонько шепнули, что это он со своим военным опытом ста лет тому вперед и явился главным мотором Тюреченской победы, а мой брат Мишкин и полковник Агапеев только брали у него, как это говорят в будущем, мастер-класс в том, как делать победу самым правильным способом. И теперь чем больше я смотрела на Александра Владимировича, тем больше во мне нарастали ликование и гордость за моего героя.

На несколько секунд он застыл передо мной, жадно вглядываясь в мое лицо. «Я думал о тебе, я скучал», – ясно говорил его взгляд. Удивительно – но, кажется, он даже не замечал, что я выгляжу по-другому! Нет, он это заметил, но воспринял как должное, ведь в его глазах я всегда была самой прекрасной женщиной в мире.

А я любовалась на него, на моего дорогого и близкого человека. И утверждалась в этом своем мнении, что теперь я для него одинаково красива и с косметикой, и без, потому что видит он меня глазами любви. От него исходило тепло. Точнее, упоительное ощущение тепла.

И хотелось согреться этим теплом после того ледящего холода, что получала я в избытке от своего нелепого мужа в своем нелепом браке...

Когда он, приблизившись почти вплотную, наклонился, чтобы поцеловать мою руку, меня стали одолевать какие-то странные, доселе не испытанные мною чувства и ощущения. Внутри меня, от низа живота до кончиков ушей, поднялась затопляющая все горячая волна, а когда он прикоснулся к моей руке, чтобы поцеловать ее, меня, будто молния, пронзило острейшее ощущение удовольствия. Я узнала это чувство. В романах о любви его называли томлением, влечением. Мне хотелось прикасаться к этому человеку. Хотелось вдыхать запах его кожи – такой волнующий, такой мужской... Хотелось провести рукой по его щеке – медленно и с наслаждением. И целовать его – долго, порывисто и страстно. Внутри меня поднималась какая-то дрожь; ноги немели, а щеки стала заливать краска – но не та, что бывает от стыда или смущения, а та, что выступает от разгоняющих кровь сильных и частых ударов сердца.

И я, едва ли отдавая себе отчет в том, что делаю, подалась вперед и обхватила его за шею. И он, тут же выпрямившись, заключил меня в плен своих сильных рук... Он прижал меня к себе – и я уже не ощущала ни своего веса, ни земли под ногами. «Александр! Мой дорогой! – Слова эти сами собой лились прямо из моего сердца. – Я так счастлива видеть тебя! Я люблю... люблю тебя... Ты слышишь?» И так легко мне было произносить эти слова... они шли из глубины моей души. Ах, никогда прежде я не испытывала ничего подобного, и это было восхитительно. Я поняла, что хочу прожить с этим человеком вместе всю свою жизнь и умереть с ним в один день и час, потому что ни один из нас не может существовать без другого.

– Я тоже тебя люблю, душа моя, – шепнул он мне на ухо и мир вокруг меня закрутился в феерическом калейдоскопе красок. Он меня тоже любит, и там, под вражескими пулями, он думал только обо мне. Перед этим фактом мое злосчастное замужество побледнело и отступило куда-то вдаль, а перспективы его продолжения сделались расплывчатыми. Ведь есть же, наконец, мужчины, которые и должны заниматься подобными вопросами. Например, мой любимый братец Мишкин с высоты своего нового авторитета может сделать Петру Ольденбургскому такое предложение, от которого тот не сможет отказаться. Ведь моего бывшего мужа даже не обязательно убивать, достаточно будет предложить ему согласиться на развод и навечно отъехать из России...

О какой ерунде я думаю в такой замечательный момент?! Почему-то вдруг появилось ощущение, что так или иначе, но трудами моих новых и старых друзей мой «бывший», как бы он тому не сопротивлялся, в самое ближайшее время навсегда исчезнет из моей жизни и я смогу без остатка раствориться в чистом и беспредельном счастье с любимым человеком, который сам по себе является сильной, яркой и многогранной личностью. Любимый, мой, родной, дорогой Александр Владимирович, как я рада, что ты пришел из своего мира в наш и встретил меня. Еще будучи маленькой девочкой, я всегда знала, что Боженька меня любит и найдет мне самого лучшего жениха...

* * *

26 апреля 1904 года, полдень по местному времени. Острова Эллиота, пароход «Принцесса Солнца», бывший салон для пассажиров первого класса

Присутствуют:

Наместник Дальнего Востока – адмирал Евгений Иванович Алексеев;

Командующий Тихоокеанским флотом – вице-адмирал Степан Осипович Макаров;

Командующий Маньчжурской армией – генерал-адъютант Николай Петрович Линевиц;

Спецпредставитель Е. И. В. и наследник-цесаревич ВК Михаил Александрович;

ВК Александр Михайлович, он же ВКАМ, он же Сандро.

Штаб наследника-цесаревича ВК Михаила Александровича:

Начальник штаба – полковник Александр Петрович Агапеев;

Политический консультант – тайный советник Павел Павлович Одинцов;

Военно-морской консультант и командир Отряда кораблей особого назначения – капитан первого ранга Сергей Сергеевич Карпенко;

Военный консультант и командир Тихоокеанской бригады морской пехоты – полковник Александр Владимирович Новиков.

Наместник Алексеев, огладив холеную бороду и оглядев присутствующих, рассеявшихся вдоль длинного стола, торжественно возгласил:

– Итак, господа, давайте подведем первые итоги этой злосчастной войны. Да-да, именно итоги. Несомненно, что в ходе боевых действий мы достигли определенных успехов. Враг потерпел поражение на море и на суше. И если на море разгром вражеского флота был результатом действий пришедших нам на помощь потомков, то на суше наши солдатики в основном справились самостоятельно и побили япошек так, что любо-дорого смотреть. И все благодаря присутствующему здесь генерал-адъютанту Николаю Петровичу Линевицу, который с высоты своего опыта орлиным взором узрел возможность уязвить супостата и незамедлительно ею воспользовался.

В салоне раздался сухой старческий смешок генерала Линевица.

– Вы уж извините старика, Ваше Высокопревосходительство, – отсмеявшись, сказал он, – но я тут совсем ни при чем. Посудите сами, когда же мне было узреть возможности, если по моему прибытию корпус Штакельберга уже полным ходом маршировал к Тюречену. Его императорское высочество наследник-цесаревич сам распорядился перебросить дополнительные силы на границу, а потом выехал туда лично, потому что времени прибрать за господином Куропаткиным почти не оставалось. Сказать честно, я не ожидал от него такой дурости, как сдача врагу сильнейшего оборонительного рубежа и отход Восточного отряда в направлении Главных Сил. Но, по счастью, это уже в прошлом, и теперь нам надо думать не о том, как отражать врага, ворвавшегося на территорию Маньчжурии, а строить планы по полному разгрому японских войск и изгнанию их с территории Кореи.

Немного помолчав, Линевиц добавил:

– Некоторые спросят, почему, вступив в права командования, я не стал отменять приказания столь молодого человека, каким является наследник-цесаревич? Я не сделал этого по некоторым причинам, которые сейчас поясню. Во-первых – тюреченскую позицию в любом случае надо было спасать. Во-вторых – если отменить это приказание, то времени на другое более-менее осмысленное решение уже не оставалось времени. И в-третьих – наследник-цесаревич самолично вместе со своим штабом выехал к месту будущего сражения, чтобы принять на себя всю полноту ответственности за исход грядущих событий. А те люди, из которых он составил свой штаб, мне понравились. С господином Одинцовым я тогда знаком не был и оставался неосведомленным даже о самом факте его существования, но господа Агапеев и Новиков были оценены мною достаточно высоко. Поскольку мы сейчас обсуждаем результаты нашей оглушительной победы, а не последствия сокрушительного поражения, значит, если я и ошибся, то совсем в другую сторону. Особенно это касается господина Новикова, который, как выяснилось, подсказал наследнику-цесаревичу такой ход, который поставил командование японской армии в безвыходное положение. Однако теперь, когда с позволения Евгения Ивановича меня посвятили во многие великие тайны, я думаю, что по-другому и быть не могло... Простите старика, заболтался.

– Так-так, – задумчиво произнес Наместник, – чего-то подобного я и ожидал. Уж больно стремительно и решительно все происходило. Так же, как в деле при Цинампо. Господин Новиков ставил своей целью не пощипать врага, а полностью его уничтожить, чтоб его вообще не было. И господин Карпенко в морских сражениях, и господин Одинцов в политике придержи-

ваются таких же принципов... Их враги просто не имеют шансов отступить и попробовать все сначала.

– Горе побежденным, – пробормотал себе под нос Новиков.

– Что вы сказали, Александр Владимирович? – переспросил не расслышавший этих слов адмирал Алексеев.

– Извините, Евгений Иванович, – ответил Новиков, – это у меня так, вырвались мысли вслух.

– Но все же, Александр Владимирович, – с нажимом произнес Алексеев, – ваши мысли вслух могут стоить нам дорогого, так что не стесняйтесь, огласите их во всеуслышание.

– Я сказал «горе побежденным», – академическим тоном пояснил Новиков, – такого принципа придерживались еще старики-римляне, всегда старавшиеся добивать своих врагов и включать их территории в состав своего государства.

Немного помолчав, Новиков собрался с мыслями, переглянулся с Великим князем Михаилом Александровичем и добавил:

– Но, Евгений Иванович, на самом деле первоначально мы с его императорским высочеством Михаилом Александровичем вовсе не планировали такого разгромного результата. Нашей задачей было только построить на границе прочный забор, о который господин Куроки мог бы биться до тех пор, пока не разобьет лоб. Кто же мог представить, что и он, и его европейские советники, даже поняв, что с ними не собираются играть в поддавки, продолжают с азартом таранить почти непреступную оборону. Корпус генерала Штакельберга мог подойти к месту событий раньше времени, когда противник не исчерпал еще всех резервов, и тогда обходной маневр мог оказаться авантюрой. С равной степенью вероятности он мог запоздать и застать противника уже отступающим на Сеул. Но генерал Штакельберг пришел именно в момент кульминации сражения, буквально минута в минуту. Нам даже не потребовалась перегруппировка войск, потому что дорога, ведущая из Фынхуанчена, сама вывела корпус Штакельберга во фланг вражеских позиций, где берег занимали не больше двух батальонов врага. У меня даже правый кулак зачесался, настолько соблазнительной была сложившаяся диспозиция. Стоило только захватить плацдарм и навести переправы через Ялу, которая в этом месте текла одним руслом – и сокрушающий все удар полнокровным корпусом во фланг и тыл врага был обеспечен. Стечение всех этих обстоятельств и позволило нам с Александром Петровичем при поддержке его Императорского Высочества замахнуть на односторонние Канны в миниатюре...

– Ну что же, – сказал довольный Наместник, – честь вам тогда всем троим и хвала. А также ордена, без которых не останется никто. Давно уже не было в русской истории сражения, после которого остатки вражеской армии были бы понуждены в полном составе сдаваться в плен.

– Честь и хвала, – сказал Новиков, – генералам Келлеру и Штакельбергу, которые в ходе сражения досконально выполнили данные им инструкции, а также всем прочим солдатам и офицерам этих двух корпусов, не посрамившим славы русского оружия и готовым умереть, но не сдать врагу.

– Это само собой, – кивнул адмирал Алексеев, – и их тоже не минует доля сия. Но дальше я бы хотел поговорить не о Тюреченском сражении, а о том, что нам делать в будущем. Павел Павлович, каково ваше мнение, так сказать, в общем?

– Эта дурацкая война, – жестко сказал Одинцов, – исходя из известных вам обстоятельств, должна быть закончена быстро, победоносно и, самое главное, таким жестоким способом, чтобы отбить у всех желающих аппетит к нападениям на Россию. Это подход, как вы просили, в общем, а о деталях лучше разговаривать с господами Карпенко и Новиковым.

– Всемерно с вами солидарен, – кивнул Наместник, – затягивать войну нам сейчас невыгодно, хотя и сил для того, чтобы продиктовать условия капитуляции на пылающих развалинах вражеской столицы, у нас пока тоже недостаточно.

После этих слов Наместника Великий Князь Александр Михайлович хмыкнул и, имея в виду ПЛАРК «Иркутск» с его смертоносной начинкой, пробормотал, что для господина Одинцова организовать пылающие развалины вражеской столицы – проще, чем чихнуть, но адмирал Алексеев предпочел сделать вид, что не расслышал, да и Александр Михайлович предпочел не развивать эту тему.

– В первую очередь для скорейшего завершения войны, – сказал адмирал Макаров, – необходимо обрести маневровую базу поблизости от вражеского побережья. А то у наших крейсеров уходит слушком много времени и угля для выхода на позиции патрулирования и возвращения обратно. Я бы на первом этапе предложил либо Окинаву, либо Цусиму. С первой базы возможно надежно заблокировать сообщение Японии с внешним миром, а со второй – полностью прервать вражеские перевозки в Корею...

– Блокада Кореи сейчас предпочтительней, – сказал наследник-цесаревич, – чем быстрее мы очистим ее от остатков вражеских войск, тем скорее японский император признает свое поражение. Ведь все это затевалось им именно ради Кореи, как первой японской колонии на континенте. А внешнюю блокаду, как говорит господин Одинцов, для японцев вполне могут прорвать англичане. Не будем же мы стрелять по пароходам под британским торговым флагом, которые эскортируются крейсерами Роял Нэви. Такая игра на грани войны может быть вполне в стиле джентльменов, которые признают только те правила, которые выгодны им самим.

– Играя в войну, можно и заиграться, – сурово изрек каперанг Карпенко, – но я не особо верю, что англичане решили повоевать за японцев. Обычно политика англосаксов предусматривает, что все будет наоборот – полезные идиоты будут гибнуть за свои идеалы, а джентльмены подсчитывать прибыль.

– Я тоже за десант на Цусиму, – сказал Новиков, – но только для своей бригады морской пехоты. А восточный отряд пусть движется двумя своими корпусами по Корее на юг, как до этого Куроки двигался на север. В любом случае для проведения десантной операции против укрепленной вражеской базы нам необходимо еще и еще раз отработать действия при поддержке корабельной артиллерии, а на это потребуется не меньше месяца. За это время Келлер и Штакельберг как раз дойдут до 38-й параллели, если не дальше...

– Согласен с господином Новиковым, – кивнул Макаров, – для проведения такой операции, на случай столкновения с англичанами, флоту будет необходимо иметь в строю все современные боевые корабли первого ранга, а подорванный в самом начале войны «Цесаревич» при всех прикладываемых усилиях выйдет из ремонта только во второй половине мая, и не раньше. А пока мы продолжим боевые учения броненосцев и блокадные операции крейсерами. Хотя чует мое сердце, подкинут нам британцы за этот месяц сюрприз и не один. Ну да, Бог не выдаст, англичанка не съест.

– Пусть так и будет, господа, – подвел итог совещания Наместник, – я немедленно телеграфирую Государю, что от стратегической обороны наши флот и армия переходят к наступательным действиям по всем направлениям.

Часть 14. Сражение с террором

**30 апреля 1904 года. Острова Эллиота, пароход «Принцесса Солнца»
Писатель и журналист, Джон Гриффит Чейни, он же Джек Лондон
«Сага о русских героях»**

В тот день я стоял на обдуваемой всеми ветрами вершине холма, где располагался наблюдательный пункт всей армейской группировки русских, именуемой восточным отрядом. Это было прекрасное место для наблюдения. Впереди несла свои воды большая река; сливаясь со своим левым притоком, она разбивалась на множество рукавов. Там, на поросших лесом островах и на противоположном берегу были японцы – узкоглазые, макаки, кому как нравилось их назвать. А на военном языке они назывались коротко и сурово – враг. Они – враги европейской цивилизации, не понимающие идей гуманизма и человечности, враги, даже более чуждые нам, чем выдуманные марсиане Уэллса. Напротив, русские солдаты насквозь человечны и понятны, как какие-нибудь сыновья фермеров из Канзаса. Пока я сосредоточенно наблюдал за подготовкой к бою, они деловито сновали мимо, иногда бросая на меня взгляды, в мрачной сосредоточенности которых я легко угадывал выражение предвкушения предстоящей схваткой. «Что это? – думал я. – Неужели им совсем не страшно?»

И вправду можно было подумать, что они затевали какую-то игру, а не сражение с жестоким врагом. Рядом с нами на холме располагался артиллерийский наблюдательный пункт, где главным был офицер в белых перчатках и с жестким выражением лица. Он наблюдал за противоположным берегом в хороший полевой бинокль, при помощи полевого телефона уверенным голосом отдавая короткие злые команды. А там, на том берегу, к наплавным мостам бежали колонны одетых в темно-зеленую форму и белые гетры миниатюрных человечков... Над их головами густо распускались белые облачка русских шрапнелей, заставляющие этих человечков спотыкаться и падать под градом свинцовых пуль. А если человечки все же добежали до последней протоки и кто вплавь, кто на лодках, пытались переправиться к русским позициям, их там встречали уверенные залпы винтовок и короткие, но страшные в своей разрушительной силе штыковые контратаки. Я прекрасно видел, как одна волна яростно кричащих людей ударялась о другую, и одетые в белые рубахи русские солдаты смешивались с японцами в зеленых мундирах.

Что же касается ума и коварства, то тут счет, несомненно, будет в пользу русских. Мой старый знакомый, полковник Новикофф, который всего два месяца назад был майором, спланировал это сражение весьма гениальным образом. Пока японцы упорно штурмовали хорошо укрепленную Медвежью гору на нашем левом фланге, желая совершить обходной маневр, русские копили подходящие резервы на противоположном конце позиции – там, где рукава сливаются в единое русло и куда против течения могут подняться не очень большие корабли от устья реки. Собственно, окопавшись на Медвежьей горе, русские могли особо не беспокоиться. Для того, чтобы завалить трупам реку и русские позиции, у японского генерала просто не было нужного количества войск, а от того, что было (трое против одного), русские отбивались без особого труда. Кроме того, русский принц Михаил, приняв командование, полностью изменил диспозицию своих войск, что уже изначально существенно нарушило планы японцев. Могу догадываться, что все эти новые веяния идут от полковника Новикофф, который пришел к нам из двадцать первого века, а военное коварство в те времена после целого ряда жестоких войн должно было достичь своего совершенства... И полковник Новикофф успешно применяет эти свои умения на горе японцам и нашим заморским кузенам лаймиз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.